

Третья Мировая война
разразилась неожиданно.
Она преобразила
планету и отбросила
человечество в эпоху
варварства.
Сокрушение России —
Величайшей земной
цивилизации
приведет Землю к краху...
если Россия
не преодолеет варваров —
в первую очередь
USA и НАТО

Юрий Петухов

ЮРИЙ
ПЕТУХОВ

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

ИсториЯ

Третья

Юрий Петухов

Мировая

КОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ

Война

УДК 931 История
ББК.:63.3(0)3 Индекс 71505
П31

Историко-публицистическое издание
Рекомендовано к печати редколлегией
журнала «История»

П31 Петухов Ю.Д. «**Третья Мировая война**. Колонизация России» (серия «Imperia Russia») –М., «Метагалактика», 2004. – 496 с. («История». 1-2.2004 г.)

В 1991 г. сокрушительным поражением России закончилась Третья Мировая война – произошел передел мира, Россия была расчленена, поделена на «зоны ответственности» и обложена гигантскими контрибуциями и репарациями. Правду знали лишь несколько десятков человек в мире. Российскому народу объявили, что Союз развалился сам собой, что «перестройка» и «реформы» были необходимы и прогрессивны. Это была очевидная ложь. Спустя месяцы все западные газеты сообщили о поражении России. Наша страна была отброшена назад на столетия – во времена Золотой Орды, когда она как и ныне не имела суверенитета. Теперь роль Золотой Орды выполняли США и страны НАТО. Они выдавали «ярлык на княжение» и фактически правили покоренной страной.

Но не все в России молчали. В 1991 г. известный писатель, историк и публицист Юрий Петухов первым объявил об идущей Третьей Мировой войне и об угрозе колонизации России. Его слова о том, что мир вступил в эпоху глобальных войн нового типа стали пророческими.

ISBN 5-85141-058-2 УДК 931

Индекс 71505

IMPERIA RUSSIA

Ю.Д. Петухов

Третья Мировая война

Колонизация России

Хроника освободительной борьбы с оккупационным режимом и его приспешниками

История

Предисловие редакции к серии «Imperia Russia»

Спецоперации Третьей Мировой войны проводились в России (СССР и ВД) под кодовыми вывесками «перестройка» и «политика реформ». Фактически Россию целенаправленно уничтожали. И она не сопротивлялась. Знатные, речистые оппозиционеры появились на просторах газет и ТВ, когда война была завершена. Подавляющее большинство этих патриотов вышло из групп и группировок той самой «пятой колонны», что сокрушила Великую Державу. Не имея собственной идеологической и философской базы, ретивые «оппозиционеры»-хамелеоны, ставшие вдруг рьяными патриотами, принялись растаскивать на куски и цитаты, присваивать и выдавать за свои - мысли, концепции и наработки выдающегося русского мыслителя, философа, ученого, непримиримого противника «демократизации России» (код её колонизации), известного писателя, историка, публициста Юрия Петухова. Его пророческие статьи регулярно публиковались с 1987 г. в периодике, были включены в восьмитомник писателя, вышли шестью отдельными книгами и имели широкий резонанс. Тезисы этих работ повсеместно использовались политологами и публицистами, часто без ссылок на источник и автора. На ТВ доступ Ю.Д. Петухову был перекрыт. Враги России хорошо отличали подлинную оппозицию от «придворных» скоморохов-ряженых... Третья Мировая загнала население в дыры и норы. Единицы встали на защиту Отечества. И первым – Юрий Петухов. Он не смог спасти Великую Державу. Слишком неравны были силы. Но он и ему подобные подвижники спасли честь Русского Народа. После того, что сделал Ю.Д. Петухов, никто не вправе сказать, что мы безропотно склонили шею под рабское ярмо. Этой книгой мы открываем серию публицистики «Imperia Russia» с непреклонной верой в возрождение Великой Империи Россия в её исконных границах на ¼ суши. Великая Россия – единственная Сверхдержава мира и его Сверхцивилизация.

Вечная Россия
и
страна дураков Россияния

Этот год был богат урожаем для Ильи Сергеевича Глазунова, подлинно народного русского художника. В этом году он стал ректором Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества, в этом году с небывалым успехом прошла его благотворительная выставка, гвоздем которой, несомненно, стала монументальная картина «Вечная Россия», (первоначальное название «Сто веков»), вызвавшая самые восторженные отзывы в народе, с одной стороны, и злобно-ехидное шипение вполне определенной группы критиков, с другой. Причем на «урожай» второго рода минувший год был особенно богат: во множестве критических статей, опубликованных, как водится, в самой нашей «прорабской» прессе, читателя настойчиво убеждали в том, что если ему нравятся хоть чуть-чуть картины И. Глазунова, значит, у него дурной вкус, недостаточное художественное воспитание, да и вообще он, читатель и зритель, в таком случае — плохой человек и сторонник консерваторов, а следовательно, «врагов перестройки».

«Прорабы»-критики, видимо, не удовлетворены малым числом выявленных ими «врагов» и потому постоянно пребывают в суетном состоянии поиска, выявления таковых. Нелегко им приходится, потому что и сверху, и сбоку не раз уже говорилось, что обострение «гражданской войны» и создание «образа врага перестройки» не метод созидателя, а

совсем напротив. Но «прорабов», видно, ничем не собьешь с избранного пути, у них, наверное, свои представления о целях перестройки. «Прорабу» нужен, просто необходим «враг», а иначе он и сам как бы не настоящий «прораб», а так, «прорабишка» какой-то, неведомо для чего существующий на белом свете. И потому, если «врага» нет, надо его создать. Ведь только в условиях постоянно нарастающей «классовой борьбы» с «врагом» «прорабу» есть место в жизни и обществе. Убери «врага» — и от «прораба» пшик останется, как от пузыря мыльного.

В общем, не обделен был И. Глазунов, как и его зритель-поклонник, «прорабским» вниманием. А так как то ли «прорабов» мало, то ли газет и журналов в их руках скопилось слишком много, мечутся они из одного печатного органа в другой, кляня народного художника.

Недостаточным показалось М. Чегодаевой выступление в «Московских новостях» (№ 34, 1988 г.), так она почти то же самое выдала в «Московской правде» (11.11.88 г.), призывая читателя низвергнуть «посредственного художника» с пьедестала. И что интересно, вся свежесть мысли критикессы, этакая «непервая свежесть», по всем известному булгаковскому образу, выразилась в самом названии статьи — «Популярность искусства или искусство популярности?».

Логика статьи убийственная, без тени сомнения М. Чегодаева перечисляет «методы» (в основном, ею же и сочиненные), благодаря которым И. Глазунов прославился. Получается, что «популярность» у художника и его картин «искусственная».

Вот ведь как бывает! А люди-то, народ, без помощи таких вот искусствоведов-критиков и не сообразили бы, что им любить, а что ненавидеть или просто не замечать.

В одной ли «прорабской» рождаются все «свежие» мысли или в разных, трудно сказать. Но есть у М. Чегодаевой литературно-критический двойник,

прославившийся сумбуром в высказываниях, кликушеством и зачислением во «враги» всех не только неугодных, но и несогласных. Речь, конечно же, о неистовой Т. Ивановой, которая в «Книжном обозрении» (№ 7, 1988 г.) всем на удивление высказала довольно-таки трезвую мысль. Цитирую: «Вряд ли критики в состоянии уговорить людей читать что-то неталантливое, неумное, неинтересное». Вот ведь какие дела случаются, Т. Иванова сама себе изменила. Ну что ж, и на старуху проруха бывает, не все же городить нелепицу за нелепицей. Правда, сразу надо заметить, Т. Иванова распространяет сказанное лишь на братьев — «прорабов». А когда речь заходит о Ю. Бондареве, П. Проскурине, А. Иванове, М. Алексееве и других писателях Земли Русской, она все забывает, начинает потрясать кулаками и призывать немедленно снизить всем упомянутым тиражи книг, будто последние лежат на прилавках, будто людей силой заставляют читать «неталантливое, неумное, неинтересное»! Такая вот двойная мораль, для наших и ваших. Ну да ладно, «прорабские» разные, но сами-то «прорабы» одного толка. Неужто М. Чегодаева не слышала никогда, что кричат стоящие в одном строю братья и сестры по борьбе? Наверное, нет. А ведь могла бы и догадаться, что, перефразируя Т. Иванову, вряд ли критики, как и все прочие, в состоянии уговорить людей смотреть картины неталантливые, неумные, неинтересные, смотреть и восхищаться ими.

Да, подходы разные, а цели одни. И вовсе не надо быть Шерлоком Холмсом для того, чтобы выстроить в логический ряд умозаключения новоявленных борцов-близнецов и понять куда, точнее, во что и в кого они бьют. И перестройка ли их цель, обновление ли общества? Или нечто иное, не до всех еще дошедшее, не пробившееся из-под красивых и обличающих фраз?

Наша цель не в том состоит, чтобы, уподобившись «прорабам» и их «спонсорам» с «менеджера-

ми», обличать кого-либо ради обличительства, ради «борьбы» с «врагами» и, соответственно, ради восхождения по трупам этих «врагов» к власти. Нет, для понимания момента надо уяснить суть явления, чтобы поменьше иллюзий витало в головах наших относительно прогрессистов, желающих осчастливить весь мир и не желающих прислушаться к мнению народа, в котором они проживают, все кивающих куда-то в туманные дали, куда-то за моря и океаны, в сторону «спонсоров», которые поглядывают «с той стороны» на упомянутый народ, как на дешевую рабочую силу для своих гигантских химпредприятий. Разумеется, сам народ не наденет добровольного ярма. Его надо подготовить, лишить памяти и самосознания. Но вернемся к теме.

В последнее время у нас становится «доброй традицией» критиковать талантливых людей, непременно выискивая в их творчестве не просто недостатки, а какую-либо червоточину или, что еще желаннее критикам, некие особенности, якобы грозящие всему нашему обществу. Уж слишком неравнодушны иные пророки из «прорабской» к сильным, устоявшимся мастерам, вовсе не замечая менее известных. Не кроется ли за этим именно «искусство популярности», вынесенное М. Чегодаевой в заголовок статьи? Ведь наиболее простой путь к известности — путь Герострата: не создать что-то выдающееся, а сокрушить, сжечь, растоптать — глядишь, и потомки запомнят имечко, не говоря уже о современниках, которым будет о чем посудачить. Ведь одно дело перемывать косточки скучно-обыденному соседу или сослуживцу и совсем иное, когда тебе же на растерзание бросают, скажем, И. Глазунова, М. Шолохова, или сразу одиннадцать русских писателей, вставших в свое время на защиту России от бесов и стоящих поныне на том.

Что только не идет в ход! С художником не церемонятся, первые же удары рассчитаны на нокаут. Сначала надо ошарашить публику: это, дескать, непрофессионально, срисовано с фотографий, плакатно-информационно и пр., и пр. Все настолько не ново, что и оспаривать бы не стоило. Но вкратце остановлюсь все же. Лет пятнадцать уже слышу болтовню вокруг имени художника о «непрофессиональности». На его выставках вглядывался в картины, очень внимательно, даже въедливо — все ущучить пытался. И вроде бы «ущучил»: есть ведь что-то от детскости рисунка, плоскостности, некоторой раскрашенности, есть кое-что, о чем в очередной раз напоминает нам М. Чегодаева, надевши на глаза свои повязку Фемиды и претендуя на роль, абсолютного и праведного судии. Казалось бы, права критикесса? Да уж, видно, права, если рассматривать картины И. Глазунова по частям, по деталькам — тут и «не слишком сведущий» сообразит, что ни на Репина, ни на Рембрандта не похоже и, пожав плечами, согласится с кандидатом искусствоведения. Вот цель и достигнута, мастер ниспровергнут! Ах, если бы все было так просто, давно бы уже и «несведующие» распознали бы, что имеют дело с халтурщиком, давно бы отвернулись от поделок и уж во всяком случае не ломились бы на выставки. Но все обстоит иначе. И трудно представить, что М. Чегодаева не понимает этого, ведь специалист, казалось бы, искусствовед, какникак! Мир русской иконы тоже на первый взгляд простоват, плосок, грешит раскрашенностью и непропорциональностью, плакатной информативностью и «срисованностью с фотографий» (в иконописи все «персонажи» заданны, канонизированы, своего «видения», скажем, Богоматери или Вседержителя не допускается). Все плохо и непрофессионально на первый взгляд, а, точнее, на кавалерийский наскок верхогляда или на взгляд недобрый, предвзято-прищуренный. В совокупности же восприятия — необычайно возвышенная гармония, свой мир, созданный вопреки надуманным догматам так называемого «профессионализма». Не проводя сравнений, не устанавливая равенства, хочу одного лишь,

чтобы критики наши непримиримые поднялись бы на ступеньку выше своей самовлюбленности и снисходительности к прочим, отбросили бы черные, розовые очки и лупу. И попытались бы проникнуть в этот поразительный мир необычайной гармонии, созданный И. Глазуновым из бесчисленного множества «непрофессиональных» деталей, мир единый и необъяснимый, не поддающийся кавалерийским наскокам недоброжелателей. Давайте вырвем любую деталь из картин, наугад взятых великих художников: Веласкеса, Гойи, Ренуара, Врубеля — приглядитесь, какое поле для выискивания «непрофессионализма», на сотни и тысячи статей критикам хватит. А в целом? В целом — свои миры, неподражаемые и таинственные, освященные личностью, талантом. Что же делать, если талант тайна, если его трудненько разложить на составляющие? Сколько в мире вполне «профессиональных» художников, исполняющих свои задумки по всем правилам художественного мастерства — не перечесть. Но не каждому дано создать мир своей, только своей гармонии. И. Глазунову это сделать удалось. Собратья-художники не признают? Ну кого, скажите, коллеги признавали своевременно и безоговорочно? Наверное, лишь властью облеченного Нерона, по простой и всем понятной причине, да и, пожалуй, незабвенного Леонида Ильича с его эпопеями.

М. Чегодаева все упирает на «методы», на «срисовывание», будто можно посадить перед художником Пушкина и Дмитрия Донского, Рахманинова и Андрея Первозванного. Будто не осознает сама всей предвзятости и необоснованности подобного подхода к творческой личности. Что касается методов создания картины, так дело, если взглянуть трезво, вовсе не в них. Это сам художник решает — он творец, он хозяин, а хозяин, как известно, барин, ему лучше знать, что использовать: фотографию ли великого человека или что иное. Не идти же раскапывать могилу, как это было проделано с выдающимся нашим соотечественником С. П. Крашенинниковым, чьи останки вынули из земли для «исследования» да так и продержали несколько десятилетий в шкафу в конторе — позор и кощунство! Странно даже, что методы И. Глазунова вызывают сомнения у кого-то. Мы пытаемся выглядеть несообразно наивными в живописи, но почему, к примеру, тогда умиляемся тем, что стихи растут из «сора»? М. Чегодаевой и ее единомышленникам, видимо, по душе роль этаких цензоров, связывающих руки художнику по своему усмотрению. Впрочем, делается это очень и очень выборочно, и применяется столь суровый надзор далеко не за всеми. Создателей всевозможных «черных квадратов», тех самых, что предлагали на полном серьезе разрушить Москву до основания, начисто, потом отстроить, что называется, по моде, и разрушать в дальнейшем каждый пятьдесят лет, М. Чегодаева боготворит. Как обожествляет, впрочем, она и последователей разрушителей, живущих ныне и проповедующих те же принципы. Вот такая у нее и у Т. Ивановой странная привязанность к тем, кому бы все крушить, ломать, сжигать и разорять.

Теперь о том, что, на мой взгляд, является истинной причиной неприятия художника, о том, что пробивается во второй половине статьи М. Чегодаевой и что уже давно инкриминируется И. Глазунову. Речь, разумеется, пойдет об излишнем с точки зрения некоторых русофобов «патриотизме» художника. Самого И. Глазунова, похоже, гонители и хулители не только не слушают, но и слушать не хотят. Пример? Пожалуйста! Кандидат искусствоведения, человек, надо думать, кое-что слышавший об истории Родины, удивлена, почему картина называлась «Сто веков», а не «Десять веков»,— ведь Христианство было принято тысячу лет назад, то есть, десятью столетиями до нас? Наивный, казалось бы, вопрос. Просто не верится, что М. Чегодаева всерьез считает, что русский народ появился на белом свете в 988 г. и тут же был крещен. Надо бы знать простую вещь — не одно тысяче-

летие наш народ прожил в язычестве, причем и до создания государственности он был все тем же народом, так же, как, впрочем, он был им до и после петровских реформ, например, или же до и после октябрьской революции. Нам все кажется, что нечто из ничего появляется вдруг, само собой, — достаточно, допустим, лишь «крестить», революцию устроить или крупную реформу — вот вам и народ новый объявится, этакая новая общность. Наивное заблуждение. А ведь художник в своих интервью говорил и самой картиной однозначно сказал, что показывает историю от Ригвед, Авесты и с еще более ранних времен. Но нет, его не расслышали, не захотели. В таком случае, видимо, надо нашим искусствоведам ознакомиться с трудами ученых-историков. В частности, поинтересоваться, что из себя представляла индоевропейская общность, протославяне и праславяне. А когда они ознакомятся, то поймут — никаких намеков на национализм, шовинизм и прочую чепуху в картинах И. Глазунова нет, как нет этих явлений и в самой древней истории нашего народа.

«Прорабам» не помешала бы в целом историчность мышления, ведь не вчера мы родились, не в прошлом веке и не в позапрошлом! И коли «прорабы» и иже с ними живут в нашей стране, не мешало бы уважать ее историю. Тогда стало бы понятней этим критикам, почему на щите Перуна изображена свастика, появившаяся на свет и существовавшая за тысячелетия до того, как нацизм вкупе с сионизмом опорочили этот вполне безобидный священный знак индоевропейской и протославянской общностей.

И уж вовсе непростительно, что, высчитывая, сколько времени прошло от Крещения, кандидат искусствоведения обезличивающе и уничижительно называет «одним из святых» князя Великого Владимира Первого Крестителя, память о котором живет не только в анналах истории, летописях, житиях, но и в былинах народных — Владимир-Красное Солнышко! Вольно же теперь указывать князю, в каких ему одеяниях ходить, какие узоры носить, какие нет! Вот беда только — жил Святой Владимир за тысячу лет до того, как в Германии свастику стали нашивать на рукава да знамена. Не предвидел требований нынешних. И. Глазунов не мог пойти против правды, вычеркнуть того, что было и что было вовсе не опороченным, а вполне достойным и славным — ведь узор со свастиками был широко распространен не только в языческих вышивках, но и в поздних — церковных, монастырских.

Мы порой чересчур категоричны в отметании нашего прошлого. Но ведь, скажем, мы не стали же менять цвет нашего знамени на иной по той причине, что и гитлеровские знамена были красными?! Вот в чем еще дело! Слишком уж приучили нас чегодаевы и «ивановы» к «искусству ретуши», искусству подкрашивания, переписывания истории в угоду моменту. Но сейчас времена иные, ретушь смывается. И одним из первых, кстати, стал это делать И. Глазунов. Где тогда были наши праведные и абсолютные судии-критики? М. Чегодаева пишет: «Глазунову так хотелось бы быть причисленным...». Надо сказать попросту, так, как оно есть — И. Глазунов причислен. Он причислен к подлинному искусству, российскому, мировому... И отчислить его не удастся.

И еще. Статья М. Чегодаевой появилась как-то уж вовремя. Сразу после публикации в «Известиях», где на художника открыто «шилось» политическое дело, за его, возможно, несколько резкие высказывания в Испании. Тут сразу же и вещественные доказательства нашлись в виде магнитофонных записей и все-все-все подтвердили... Надо думать, что опорочить выдающегося русского художника И. С. Глазунова не удастся — по той простой причине, что его огромный талант выше слухов, которые вьются вокруг да около будто назойливые мухи. Последнее и самое весомое слово Художника — это его картины!

Но не на художественное мастерство смотрят пророчицы из «прорабской», не композиции и цветовое решение волнуют их,— не до того, надо выполнять волю заказчиков. А воля простая: заказ на беспамятство, на развлекательность в искусстве, декоративность. И вот кумирами становятся декораторы типа всевозможных гриш брускиных, героев «наднациональных» аукционов, на которых под шумок, под восторженные вопли о суммах полученных «непризнанными», втихаря этак, уплывают из страны подлинные шедевры по смехотворным ценам. Брускины и их «спонсоры» на коне. Им уже кажется, что удалось привить свои вкусы всем, удалось навязать свои цены. А разгадка тут довольно-таки проста. «Шедевры» брускиных берутся по немыслимым ценам по той причине, что покупают их те же брускины, то есть, ни деньги, ни шедевры не уходят из одной «большой и крепкой семьи», гонорары являются как бы стипендиями дальним и бедным родственникам. А вместе с тем искусственно навязывается мнение, что реалистические произведения устарели, не могут угнаться за «авангардом» и «андеграундом» ни по содержанию, ни по ценам. Идет игра, как на бирже, — на свои акции ставки повысить до предела, на чужие сбить, обесценить их, скупить. И, похоже, кое-что в этой игре удается. Похоже, наступает новый этап «дешевой распродажи» национальных ценностей, под снисходительные кивки «спонсоров» и восторженную истерию посредников — «прорабов», готовых для пропаганды якобы русского искусства за рубежами вычистить то, что еще не вычищено из наших музеев и частных коллекций.

И вот здесь картины, книги, фильмы и все, что может пробудить народ от спячки, вернуть ему память, восстановить его силы,— для посредников как кость в горле, если не хуже — ведь из рук у них вырывается уже, казалось бы, захваченная, охмуренная и полупроданная добыча! Люди оживают, начинают вспоминать, что они не бедные родственники на своей земле и не загнанная в резервации рабочая сила, что за ними моральное право и высокий дух сотен поколений, возделывавших и защищавших эту землю.

Ах, как не понравилась «Вечная Россия» И. Глазунова последователям, преемникам Герострата, им бы «раз в пятьдесят лет» сжигать все дотла, да еще так, чтобы каждое новое поколение периодически от отцов отрекалось и кладбища закатывало асфальтом под пивбары да танцплощадки с дискотеками. Но как пишет в минутном просветлении та же Т. Иванова в той же статье: «И заставить читателей отвернуться от тех, кто им интересен и нужен, критики тоже не в состоянии». Это точно, ни сама Т. Иванова, ни ее коллеги-«прорабы», выискивающие «врагов» в обстановке «обостряющейся борьбы», не в состоянии отвернуть читателей от В. Распутина, Ю. Бондарева, В. Белова, В. Астафьева, П. Проскурина, А. Иванова и других русских писателей. Так же не дано отвернуть критикам зрителей и поклонников от картин И. Глазунова. Это доказала сама выставка, которая проходила во Дворце молодежи одновременно с выставкой авангардистов там же. Народ шел к И. Глазунову. И не шел к создателям «андеграунда».

Положение ныне не простое — перестройкой хотят воспользоваться в своих интересах люди, далекие от народа. Но все же, надо верить в то, что даже самым исполнительным и ретивым посредникам «спонсоров», самым неистовым потомкам Герострата не под силу будет отлучить люд российский от его матери, Вечной России, давшей ему и жизнь, и право на родную землю, и высокий необоримый злыми силами дух.

Живописные полотна, репродукции, самые разнообразные творения наших телевизионщиков и кинематографистов — фильмы, телеспектакли, представления, тут же и балетные и оперные действа, пластинки и магнитофонные записи с сочинениями самых разноплановых композиторов и многое еще,

целый океан, вселенная культуры и псевдокультуры, обитающей рядышком с подлинной, оттирающей ее понемногу, под шумок. Но есть нечто, стоящее наособицу, выше и в то же время предержащее все, ствол могучий. Что это? Ну конечно же, книги — реки, напояющие океан мудрости человеческой, основа основ культуры, источник ее. Недостаток книг в обществе, и, как следствие, — недостаток культуры. Десятилетия дефицита и — болезнь, переходящая в манию.

1988

Послесловие из 2004 года. Да, тогда, в конце восьмидесятых ещё жила вера в Россию. Вечная Россия! Казалось, стоит преодолеть очередные трудности – и нас ждет небывалый подъем, расцвет. Так оно и должно было быть. Сверхдержава Великая Россия (Советский Союз) стремительно рвалась вперед, в грядущее, опережая все эти поганые «штаты» и прочие «мировые сообщества». Да, мы знали, что против нас идет незримая, но чудовищная по мощи война, в которую издыхающий запад бросил все свои последние силы. Но далеко не все знали, что это идет беспощадная Третья Мировая война. Не все знали, что наши продажные власти уже начали переходить на сторону нашего злейшего врага, что наша интеллигенция, а точнее, псевдоинтеллигенция, образованщина стала «пятой колонной» врага, предав свой народ и свою страну. Трагедия разворачивалась на глазах ополоумевшего от «перестроек» народа... В октябре 2003 года во Франкфурте, на Международной книжной ярмарке мы говорили с Ильей Сергеевичем о судьбах России (под плакатом «Russland» с фотографиями свиней, бомжей и беспризорников – так нас видит Запад, так нас представляет Западу нынешний режим). Колония. Оккупация. Русское гетто. Россия канула в светлые воды истории подобно граду Китежу. Явилась страна дураков и предателей Россияния. Подробней о ней читайте в моем романе «Жизнь №8».

Книгомания - удар по мозгам

В одном из московских букинистических магазинов, на полках которого были выставлены ряды книг по так называемым договорным ценам, я стал невольным свидетелем любопытной сценки. Мужчина средних лет с огромным баулом под ногами и плащом через руку, явно приезжий, долго и жадно разглядывал богатые полки, на которых от выразительных корешков и ценников в глазах рябило, наконец оторвался от небывалого зрелища, распрямился и как-то восторженно, ни к кому не обращаясь, выдохнул в воздух: «Все, конец черному рынку! — помедлив чуть, добавил: — И буму — крышка!» Иронически настроенные продавщицы вниманием проезжего не одарили. Лишь кто-то из покупателей откуда-то сбоку старческим усталым голосом произнес: «Вашими бы устами...»

Восторженный человек ушел. Но толпа у прилавков не поредела. И лишь вновь подходящие, почему-то в основном женщины, и почему-то почти благоговейным шепотом или полушепотом продолжали спрашивать: «Девушка, а что — это все можно купить, просто так, свободно?» И нельзя сказать чтобы, не покупали.

А ведь всего два-три года назад в преддверии больших перемен в книгоиздательском и книготорговом деле многим из нас, чего уж греха таить, казалось — вот-вот и придет-таки «крышка» книжному буму, еще немного, еще чуть-чуть, стоит

только Госкомиздату (а позже и Госкомпечати) подналечь как следует, и... Нашими бы устами тогдашними мед пить, как выразился старичок-книголюб в букинистическом. Да, все оказалось не так уж просто. И Госкомиздат, опубликовавший на страницах «Книжного обозрения» (№ 34, 19.8.88 г.) проект «О концепциях советского книгоиздания в современных условиях и перспективах его развития до 2005 года», вполне определенно и однозначно заявил: «Рынок художественной и детской литературы не может быть насыщен в ближайшие годы. Слишком велик разрыв между спросом и предложением в наши дни». Заявление безрадостное, но, надо отдать должное, прямое и честное. Итак, радужные перспективы сияют где-то на рубеже третьего тысячелетия, даже дальше, между 2000-м и 2005-м годом. От перспектив этих и чисел аж дух захватывает, но мы-то пока остаемся в нашем времени, с нашими проблемами. О них и поговорим.

Скажу сразу, что книгообменом занимаюсь давно. Причем в самой активной форме — под лежачий камень, как достаточно ясно показали магазинные обмены целевого назначения, вода течет плохо. Собираю интересующую меня и нужную в работе литературу исторического, историко-философского содержания, в значительной части специфическую, художественную же — в меньшей степени. Хотя, надо сказать прямо, без скрупулезного проникновения в конъюнктуру именно «рынка беллетристики» не обойтись. Почему? Казалось бы, чего проще: есть «Академкнига» и подобные ей отделы в других магазинах. Но простота эта кажущаяся, как, впрочем, и положение со всем дефицитом — вроде бы всего много, а конкретно необходимого ни за что не найдешь! Для того, чтобы периодически выуживать из книжного моря искомое, а при этом и не разориться дотла, и не растратить времени на бесцельные поиски, надо до тонкостей разбираться в хитросплетениях этого «подводного мира» и уж, конечно, иметь и постоянно возобновлять запасы «книжной валюты», то есть изданий Дюма, детективов и прочего, надо не лениться следить за подъемами и спадами цен на рынке, которые порою до удивления непредсказуемы.

Не удержусь, чтобы вкратце, к слову, не коснуться одной проблемы, порожденной все тем же дефицитом. В последнее время книгообменные дела стали далеко не безопасными, о «книготорговых» и говорить не приходится. И особенно проявляется это в людных, оживленных местах, где обмен и продажа книг идет бойко. Взять, например, Кузнецкий мост. Долгие годы он пустовал, лишь один-два полупришибленных книгопродавца, пугливо озираясь, предлагали у входов в книжные магазины свой товар. Сейчас иное дело, вновь забурлил, заклокотал Кузнецкий — чего на нем только не увидишь. И уже не шарахаются в испуге от замаячившей вдалеке милицейской формы. Хотя временами милиция показывает характер: сгоняет меняльщиков с проезжей части, а то и подкатывает неожиданно на автобусах или фургончиках: проводит «операции по захвату». Впрочем, это не беда, так, отвезут подальше и высадят, без каких-либо продолжений — что, по всей видимости, уже шаг на пути к демократии. В любом случае прежних страхов нет. Правда, появляются еще иногда приметные в книжной толпе оперативники в штатском, бывает, и вылавливают кое-кого. Но боятся все же не только их, есть контингент и поопаснее. Не знаю, можно ли это в полной мере назвать рэкетом или нет, не в названии суть. Шныряют в толпе, будто челноки, крепкие ребятки, навряд ли дружные с книгой, выглядывают новичков, чужаков. «Свои», как правило, уже «охвачены». Многие из них представляются бывшими «афганцами», которым, дескать, все нипочем. Врут. Дань берут и деньгами и книгами, мало отличая спекулянтов от просто менял-любителей. Нельзя сказать, что их господство незыблемо и твердо, нет, но оно очень ощутимо. И многие уже испытали это на своих скулах и ребрах. Дей-

ствуют ребятки очень уверенно, знают, что подавляющее большинство обиженных в милицию жаловаться не побежит. И потому уроки послушания преподаются иногда прямо на месте. Это служит для прочих хорошей наглядной агитацией, ведь далеко не каждый захочет лишний раз испытывать прочность своей печени или селезенки. Бывает, для более серьезных «разговоров» уводят и куда подальше от глаз человеческих. Бывает, что и, разыграв с заранее подготовленными дружками сценку купли-продажи, «сдают» залетного-неопытного в руки милиции. Вариантов множество. Случается, что и на силу сила находится — но опять-таки жаловаться шустрые ребятки не побегут. Вот какая еще проблема. Хотя, впрочем, она довольно-таки далека от подлинно читательских интересов. Такие дела на «рынке» сбыта книгопродукции, в местах «неформального» книгообмена. И все вышеизложенное не является лирическим отступлением. Напрасно кто-то потирает руки, радуется, что нашлась-таки управа на спекулянтов. Преждевременная радость. Книготорговец свое возьмет в любом случае: результат вымогательств — дополнительное повышение цен. Так что, покупая книгу на толкучке, помните, что не весь «навар» идет торгашу, процентов 10—15 вы — именно вы — платите вымогателю.

Кстати, сразу же об этом рынке. Иные наивные читатели и покупатели постоянно вопрошают полузаговорщическим тоном: «где же все-таки он находится (помимо Кузнецкого моста, упомянутого мною) этот таинственный «черный рынок», как туда попасть?», будто речь идет о чем-то вроде рынка Даниловского или хотя бы Птичьего. Разумеется, есть некоторые известные места, где собираются книжники и книгопродавцы, как правило, места эти меняются очень часто. Но мне бы хотелось все-таки сказать людям, пытающимся выглядеть наивными, что рынок этот повсюду, где есть книгособиратели и читатели: он и у магазинов книжных, он же и в наших отделах, цехах или лабораториях. Чего уж скрывать, ведь книги не агенты неких тайных разведок, они проникают везде, где есть мы сами, где мы ими обмениваемся или покупаем их, так, как порою покупаем друг у друга дефицитные сапоги и прочее. Итак, покуда есть дефицит, покуда спрос на книги не удовлетворяется торговлей, хотим мы этого или не хотим, — «черный рынок» повсюду.

Почему так много о «рынке» и «букинистах»? Да потому, что это очень показательные места. Сама по себе книжная торговля мало о чем говорит: только выбросили что-то на прилавки, тут же очередь, расхватали, и вновь тишина. Поди-ка определи, что к чему, что у нас читают? Знакомые, в транспорте, на улицах — читают наболевшее, острое. Толпы в магазинах — явление, кстати, ставшее характерным для сегодняшнего дня, — ждут детективов, фантастики и любого дефицита. Кто они, читатели или собиратели? На кого работает полиграфическая промышленность?

«Я эту классику расейскую на дух не переношу! — говорит мне на толкучке парень лет тридцати с сумкой, набитой серийными приключенческими «Поединками». — Меня от нее со школы тошнит, да и в доме держать стыдно, знакомые засмеют, не-е!». Ему вторит женщина, замакияженная «под интеллектуалку»: «Я давно вышла из возраста, когда Гоголя читают, не школьница!». Даже обижена, что ее могли заподозрить в чтении «расейской классики». Правда, парень с сумкой все же смягчает, добавляет: «Нет, ну, если издание отличное, чтоб и формат, и корешки, чтоб в суперах, тогда еще можно поставить, а так...,» — машет рукой, разговор ему неинтересен. Продолжать можно сколько угодно.

Нам бы признаться самим себе, по-честному признаться: выросли поколения не только «самой читающей в мире», но и самой собирающей публики. А это абсолютно новое явление, неведомое и ни с

чем не сравнимое. Ведь тиражи все больше и больше, цены все выше и выше, казалось бы, лежать должны книги. Ан нет, не лежат! Вездесущий собиратель метет все «дефицитное» подчистую. Благо, есть благородное и веское — «для детей». А дети смотрят телевизор от и до, вяло, но все же посещают кинотеатры, но вот книги что-то берут в руки с ярко выраженной неохотой, растет неведомое поколение — нечитателей. И мы еще о нем услышим и узнаем. Сейчас же все по-прежнему. Бумаги мы производим меньше всех из развитых стран, леса изводим значительно больше всех остальных «производителей», вместе взятых. Толку пока мало. Что же делать? И кто виноват? Не может же выкачивание денег из карманов потребителей быть единственной целью народного государства? Ради такой цели и лес губить не стоило бы, гони себе водку, вот и опустошишь карманы.

Могу с полной ответственностью заверить истинных поклонников Дюма, что среди десятков, сотен собирателей его сочинений, с которыми мне доводилось встречаться по обменным делам, не нашлось ни единого, прочитавшего больше двух-трех романов этого писателя, да и то по большей части читали его в детстве. Ажиотаж вокруг Дюма, которого практически не знают и не издают на родине, во Франции, есть порождение «макулатурной рекламы». Определенная группа людей, от коей зависел «репертуар» макизданий, на фоне острейшего дефицита навязала миллионным армиям собирателей свои вкусы — и началось: премудрая затея обернулась фантасмагорией, умопомешательством кромешным — «дюму» принялись собирать по цвету переплетов, по оттенкам и, извините, даже по номеру бумаги, на которой печатался текст. Сатанинская гонка нарастала, захватывала все новых и новых собирателей. И было бы наивным думать, что такой спрос рождается сам по себе. Собирателю подсовывались очередные «шедевры», маховик раскручивался. Не решена проблема с

выпуском произведений отечественной классики. Подлинный читатель, ищущий ответа на самые жгучие жизненные вопросы, не может купить себе без нервотрепки и беготни книг Гоголя, Достоевского, Тютчева, Чехова, А. К. Толстого, Мельникова-Печерского, Лескова, Островского, Аксакова, Бунина, Клычкова, Клюева, Ремизова, Б. Зайцева, И. Шмелева — всех и не перечтешь. Но ему угодливо подсовывают с каждого прилавка и навязывают в каждом киоске многомиллионные и бесконечно однообразные сборники типа «Детектив и политика». Да, плюс ко всему, тешат еще пожирающей уйму бумаги юлианосеменовской газеткой-сплетницей «Совершенно секретно», в которой, по сути дела, ничего, кроме пересудов, разжигания русофобии, бесконечного смакования «еврейского вопроса» да обсасывания всевозможных «придворных» толков и «дворцовых» анекдотов, нет. Школьники не могут найти даже тех немногих произведений русских классиков, которые им необходимо изучить по школьной программе — бумаги не хватает! Но ее почему-то хватает для безвкусной и полупорнографической продукции предприимчивых кооператоров, торгующих календарями с голыми красотками и гипертрофированными уродами.

Досужие счетоводы в иных печатных органах подсчитывают тиражи книг наших лучших писателей-современников, несущих людям светлые начала и вселяющих в души доброту и любовь. А вопрос-то не в том — каковы тиражи книг, создаваемых подвижниками, а в том, что этих самых книг все так же не хватает читателю! Рядовой советский человек, только приобщающийся к чтению или уже выработавший хороший вкус, воспитавший себя на лучших творениях мировой литературы, не может пойти в магазин и купить книги В. Белова и Ю. Бондарева, В. Распутина, П. Проскурина и В. Астафьева. Их нет в продаже! А если и появляются, так тут же исчезают с прилавков на радость тем, кто случайно оказался в этот час и эту ми-

нуту в магазине. И еще парадокс. Если собиратель желает приобрести «Графа Монте-Кристо» или, скажем, пресловутых «Детей Арбата», он может пойти в любой книгообмен города и выменять требуемое. Но чтобы таким же образом «достать» книги иного плана, ему придется изрядно помотаться по книгообменным точкам и книжным толкучкам, да и не один, наверное, день!

При помощи ловких и далеко не безобидных манипуляций на книжном рынке страны, круги, заинтересованные в распространении дрюонов и рыбаковых, отнимают у людей саму возможность духовного роста и нравственного самосовершенствования. Делается это для того, чтобы низвести процесс чтения до уровня примитивной развлекаловки и листания комиксов, чтобы российского читателя, знавшего высочайший взлет мысли и духа, превратить в туповатого пожирателя стандартных детективов и в скабрезного обсасывателя придуманных «интимных» сюжетов-леденцов из жизни «вождей». Для того и затеяна массированная атака на светочей русской литературы. Цель — убрать их из сердца и души читателя, а образовавшиеся пустоты заполнить поделками масскультуры. И тогда читатель этот из гражданина превратится в недобрых руках в податливую глину, в пластилиновый мякиш. А остальное — дело техники.

Выпуск на макулатуру повторного двухтомника Дюма просто необъясним в наше время! Обветшавший во всех отношениях объемный «Каменный пояс» Федорова, выпускаемый полуторамиллионным тиражом, и трехмиллионный «Современный французский детектив» — что за нелепость! — наверняка съели несколько возможных изданий Татищева, П. Флоренского, С. Булгакова и многих, многих еще. Совсем недавно нам «не хватило бумаги» на Соловьева и Ключевского. Зато вполне хватает на бесконечно издаваемых Роллана и Драйзера, на готовящегося к изданию огромнейшим тиражом многотомного Стейнбека. Воистину, в таком

«масштабном деле» нам не помогут никакие совместные предприятия по вырубке тайги — не хватит ее!

Слышу раздраженные голоса, дескать, у нас, у детей (!) хотят отнять любимых писателей, их книги! Нет, не хочу, поверьте. Давайте вместе попробуем вникнуть в ситуацию. Сейчас — ограничимся сочинениями Дюма для простоты подсчетов — гонкой накопительства захвачены от 2 до 3 миллионов людей (можно считать и семьями) — примерно таковы тиражи, они обуславливают названное число, плюс около миллиона вовлеченных в обменный процесс, но не оставляющих себе книг Дюма. При этом цены следующие: на отдельные, однотомные книги — от 15 до 30 рублей на «рынке» и от 20 до 40 рублей в «договорных» секциях, а на двухтомного «Графа Монте-Кристо» и трехтомного «Виконта де Бражелона» — соответственно от 30—50 на «рынке» до 50—80 рублей по «договору». Запомнили? И те, кто ежедневно видят полки с «договорными» ценниками, тоже все запомнят. Запомнят и если увидят то же самое по ценам в десять-пятнадцать раз ниже, да даже в пять раз, сразу возьмут, еще и прихватят «на долю соседа»! А это говорит о том, что тиражи на избранного нами Дюма можно увеличить сегодня же и в десять и в двадцать раз — разберут! Кому надо, кому не надо — все разберут! И в гонку, соответственно, будут вовлечены уже десятки миллионов человек. А вирус накопительства ох как заразителен! Практика у нас огромнейшая! Никто в мире подобной практикой не обладает, ни в одной из стран еще не сходили с ума таким образом. Нам бы со стороны на себя поглядеть. Не помешало бы! Бизнес, превращенный в откровенное самоедство, самоуничтожение, — вот во что мы втянуты по горло.

Вспомним «сделку века» аж до 2000 года: мы им нефть и газ, они нам трубы для выкачки нефти и газа — чем больше выкачано, тем больше средств для выкачки. Чудовищно! История с кни-

гоманией — это наш внутренний самоедский бизнес: разжигаются совершенно ненужные, болезненные страсти, чтобы побольше сбыть товара, уничтожаются леса, отравляются реки и озера, все катится к черту на рога, в пропасть — и чего ради? А ради того, чтобы набить шкафы накопителей томами с престижными корешками и выкачать из них, накопителей, как можно больше.

И не только Дюма. Возьмем последнюю ласточку, которая одновременно и первая в серии готовящихся детективов. Я имею в виду «Современный французский детектив», выпущенный на макулатуру. Серия прошла апробацию малыми (стотысячными) тиражами. Теперь она запускается в свет. И сожрет она полтайги! Французский, американский, нидерландский, испанский... и до бесконечности. Десятки, сотни миллионов объемистых книг обрушатся на накопителя. Что это вдруг? Неужто внезапно появилось столько любителей детективов? Да нет же, конечно! Но «престижная» макулатурная серия, силой навязанная и ненужная в основе, загубит нам не только Байкал и Ладогу, но все, что еще не загублено. Причем будем закупать оборудование, множить типографии... и гробить самих себя.

Или же вот такой интересный пример, который, может быть, заставит задуматься скептиков.

На мой взгляд, необычайнейший эксперимент провела наша книготорговля. И если не из результатов этого эксперимента делать выводы — тогда из чего же еще?! Суть такова. За три месяца до поступления в продажу на макулатурные абонементы книги «Последний год жизни Пушкина» точно такая же книга, с идентичным содержанием и иллюстрациями, того же объема, короче, та же самая книга, но в обложке другого цвета была выброшена на прилавки практически всех московских магазинов. Она продавалась совершенно свободно, не было ни ажиотажа, ни очередей — подходи и бери. Брали, конечно. Но так брали — а тираж всего-

навсего 400 тысяч экземпляров, — что во всех крупных магазинах книга полгода лежала штабелями, покупатель равнодушно проходил мимо, не спеша выложить два рубля шестьдесят копеек за свободно продаваемое. Совершенно иная картина с тем же «Последним годом...», выпущенным под обложкой другого цвета и со знакомым всем значком-елочкой, — тут не только деньги за саму книгу выкладывают с готовностью, но и на абонемент не жалеют от трех до пяти рублей, так что в сумме получаются не те «два шестьдесят», что свободно, а шесть-восемь рублей! Вот тема для диссертаций психологам и психиатрам, вот в чем бы разобраться! В данном случае книга, вне всяких сомнений, полезная, нужная. Но сам факт! Нужную, полезную книгу без «значка» почти не берут. Больше того, знающие люди утверждают, и я с ними согласен полностью, — под «макулатурной обложкой» можно навязать собирателю-накопителю все что угодно и в каких угодно количествах — такая уж огромная «работа» была проделана, умеем ведь!

Да, к величайшему сожалению, макулатурная и прочие «рекламы» бьют в упор, без промаха. Помогают им, конечно же, пресса наша псевдопрогрессистская и вездесущее телевидение, которое не слишком-то балует нас встречами с В. Беловым, В. Распутиным, В. Астафьевым да со всеми теми, кто помог бы читателю разобраться — что есть что. Телевидение увлечено пропагандой панков, проституток, рэкетиров и дешевого «металлоломного» рока, так что ему некогда сеять «разумное, доброе, вечное». Разберемся, кому же это делать сам бог велел? Ответ, наверное, ясен — ну, конечно же, «Книжному обозрению», воскликнет читатель. Но у «КО» свой уклон. Еще с тех самых пор, как обновилась редакция нашего книжного вестника, газета резко переменила курс и стала в открытую выполнять политические наказы «прорабов-ястребов». И что же? Большая часть тех, кто

составляет гордость русской культуры, стали для «КО» несуществующими или еще хуже, «врагами перестройки», «человеконенавистниками». Зато стали возноситься творения сочинителей русскоязычных и всевозможная конъюнктурная «рыбаковщина». Неразборчивый вкус, явное недоброжелательство и предвзятость редакции — одним словом, групповщина! И откровенная «макулатурная» психология! Вспомним, как охарактеризовал «Детей Арбата» далекий от «почвенничества» русскоязычный поэт И. Бродский. «КО» рекламировала «роман века» три года кряду! А Бродский на вопрос корреспондентов радиостанции «Свобода», не вступая в полемику, ответил коротко и ясно: «Макулатура!». Можно по разному относиться к поэту, но с этой его оценкой не согласиться нельзя, есть вещи очевидные.

Распространители дурного вкуса действуют рука об руку: и те, кто всучивает потребителю дрюонов с анжеликами и те, кто во всесоюзном масштабе навязывает «зубров» с «детьми арбата» и прочих бабочек-однодневок. Не будем сейчас вдаваться в детали ремесленничества и торгашества. Вернемся к главному. К тому, что лежит на грани, на «лезвии бритвы» экологии среды и экологии духа.

Сможет ли наша промышленность книжная хотя бы и через десять, даже тридцать лет «насытить рынок», если психоз будет по-прежнему нагнетаться, а накопителя станут усиленно подзадоривать, накручивать серию за серией «престижа»?! Нет, мы никогда не выберемся из этого заколдованного круга ни через сорок, ни через пятьдесят лет. И если в этой гонке будто бы и есть задача книгоиздательства, то результат очень легко представим — голая, безводная пустыня, заваленная отходами производства, посреди которой на горе «престижных» томов сидит окончательно спятивший собиратель с двустволкой (надо же оберегать!) в руках. К этому ли мы стремимся, говоря о гармоническом развитии, о духовности?

Сейчас общество, охваченное навязчивой книгоманией, напоминает больного в белой алкогольной горячке или, по меньшей мере, в состоянии глухого тяжелого запоя. У одного: пить, пить, пить! У другого: книг, книг, книг! Вырваться из наркотического бреда не просто. Но сделать это необходимо — выбора нет: общество потребления, охваченное подлинным алкоголизмом и наркоманией, алчущее лишь развлечений, тряпок, «престижных» вещей, гор личных нечитаемых книг и пр., и пр., — это организм, скованный смертельными судорогами и летящий в пропасть под истерические ритмы всепроникающего наркотического же рока. И ведь все против человека: и «перевороты» рек, и гигантские плотины, и уничтожение лесов, и всевозможные мании, которыми людям свет застят и психику уродуют.

Мы в голос жалуемся, причитаем — дескать, отстали по всем показателям от «цивилизованного мира»! Но надо признаться, что есть показатель, по которому мы обогнали всех, далеко оторвались ото всех и лидируем... И финиш — гибель нации — не за горами.

1988

Послесловие из 2004 года. Теперь книг полным-полно. Как мусора в Москве, который годами никто не убирает. Прилавки магазинов завалены «гарри-поттерами» и прочей омерзительной дрянью, оболванивающей российских детей и подростков. Прилавки завалены препоганейшей порнографией всяких коуэльё, сорокиных и прочих педерастических копрофилов (по-русски, говноедов). Выблядки перестройки делают всё, чтобы превратить русское население в дебильных американоидов, у которых вместо мозгов памперсы, подкладки и пепси-пойло.

Алкогольный геноцид

Начало конца

А вдруг да русский народ и в самом деле отрезвеет, а отрезвев, задумается: кто столько лет подряд ударял ему по мозгам бутылкой? И зачем?

А. Салуцкий. Из доклада на пленуме правления СП РСФСР «Перестройка и публицистика».

Хотим мы этого или не хотим, но в очевидном надо признаваться: все те положительные явления в жизни общества, достигнутые введением антиалкогольного указа в 1985г., стремительно сходят на нет. Снова на улицах и в транспорте появляется все больше и больше пьяных, вновь одной из составляющих нашего и так не слишком чистого воздуха становится смрадный перегар, висящий в вагонах метро, и автобусах, и в очередях, снова мат, пьяные крики, мордобои — после трехлетнего затишья все это особенно давит. Впервые за четыре года в статотчетностях (за 1988 г.) не были указаны цифры производства и продажи спиртных напитков — вновь эти данные засекречены. И хотя в 1988 г. всего три последних месяца свободно торговали спиртным, за столь короткий срок резко, на 0,3% в расчете на 1000 человек (по той же

отчетности) возросла смертность населения — если вдуматься, потери колоссальные, три месяца открытых алкогольных кранов унесли свыше 85,5 тысяч людских жизней. Возобладали-таки ведомственные интересы, когда сиюминутная «пьяная» прибыль затмила все — и здоровье общества и его благосостояние и будущее народа.

Но началось все не в конце 1988 г., а значительно раньше. Подрывная подпольная кампания началась сразу после Указа 1985 г., нарастая с каждым месяцем, выходя из подполья на страницы псевдолиберальной прессы, одурманивая общество потоками лживой информации, запугивая «ростом» наркомании, преступности, всех видов дефицита, токсикомании и пр., и пр. Алкогольная мафия сумела теми или иными способами перетянуть газетно-журнальное «общественное» мнение, создаваемое в основном левацкой прессой по ее же заказу, на свою сторону, несмотря на то, что сам народ в подавляющей своей массе категорически против вакханалии спаивания, распада, деградации общества, против безудержного наращивания алкогольных мощностей, и без того превышающих все разумные пределы. Торгашеская мораль «прорабов» — псевдопрогрессистов оказалась одним из козырных тузов в руках подлинных торгашей, наживающих состояния на человеческих страданиях и смертях. Вновь под угрозой окончательного и полного вырождения оказалась наша российская деревня, превращаемая в сливные баки бормотушных производств.

Как близко от цели были мы два-три года назад. В народе была пробуждена надежда, казалось, оздоровление общества вопрос ближайшего десятилетия... И вот все по-новой.

С чего же и как начиналась, росла и крепла эта принесшая уже ныне результаты «борьба» за возвращение старого, «пьяного быта», общественного хмельного угара? Попробуем разобраться, по крайней мере, уяснить для себя некоторые отдельные

моменты, этапы скатывания в прежнее пьяное болото. Разумеется, не делая окончательных обобщений всеобщего масштаба — это у нас еще впереди.

После Указа пресса наша взялась вроде бы за дело: одни с душою, другие — и это было заметно — для отписки, как бы из-под палки. Притихли даже на некоторое, совсем малое время «культурпитейцы» неистовые. Создавались общества, платились взносы.., множество формализма было. Однако, были и подлинные борцы типа бесспорного всенародного авторитета — академика Ф. Г. Углова и, конечно же, такого принципиального, прогрессивного журнала, каким является «Наш современник». Прямо скажем, немного могучих и чистых вершин высилось посреди притихшего затаившегося болота, в коем выжидали своего часа недовольные. Мутили воду в болотце формалисты-активисты, прыгали с кочки на кочку кулики-конъюнктурщики, злобно затаилась в глубинах трясины наглеющая, ожившая на былом просторе торгашеская алкогольная братия, пузырями лопались у поверхности притихшие на время с перепугу «прогрессисты», под корягами, втихаря шушукались, вынашивали прожекты экономисты — столпы бывшего застоя, теперь же новоявленные «прорабы». И могучая волна прокатилась стихийно, по приволью, по городам и весям, по площадям и улочкам в народе. Люд российский двумя руками голосовал за! Он ничего не имел и ничего не получал от алкогольного бизнеса кроме мук и вывороченных карманов. Как гигантская пиявка на шее у него сидела алкомафия, грозясь высосать остатки соков. И народ, как Георгий-Победоносец в святой борьбе с поганым змеем, взял в руки копье. Проходили собрания, сходки, объявлялись целые районы трезвого образа жизни. Наибольших высот достиг дух народный в те минуты протрезвления.

И появилась правда в печати! Впервые! Стали публиковаться такие вещи, от которых волосы дыбом вставали и прояснялось положение, катастрофическое по своей сути. Спустя первые два года приближения к трезвости появились некоторые итожащие заметки, да и более солидные взвешивающие состояние дел материалы.

Таковой была и статья академика Ф. Г. Углова «Глядя правде в глаза» — честный, воистину правдивый взгляд на проблему. Не первый раз Ф. Г. Углов взялся за перо, его книгу «Из плена иллюзий» читали, наверное, все. И уж тем более было до всех доведено слово партии и правительства, подтверждающее, что времена кампанейщины кончились, что идет бескомпромиссная борьба за здоровый образ жизни. Никто не отменял Постановления «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 17 мая 1985 г. и соответствующих указов... И вместе с тем именно тогда, вновь повсюду стали открываться винные магазины, по деревням и селам начали курсировать винные автолавки, все с большим напором забили хмельные фонтаны. С телевизионных экранов ответственные торговые работники объясняли без тени смущения, что таковы требования плана. Но ведь неоднократно говорилось, что «пьяные» доходы не должны планироваться. О каком же плане шла речь!? В первом полугодии 1987 г. увеличился выпуск шампанского, почти вдвое возросло производство коньяка. Как же так? Вновь начало разливаться бормотушное море. А ведь в Постановлении было указано ежегодно сокращать, а к 1988 г. полностью прекратить выпуск плодово-ягодной отравы!

Вот тут-то и самое время задаться вопросом, а все ли, как Ф. Г. Углов, желали «глядеть правде в глаза», все ли хотели объединиться, так, чтобы «против зла — всем миром»? И невооруженным глазом видно было — нет, далеко не все. Потихоньку, полегоньку, но все с большим нахрапом, переходящим в натиск, начинали действовать сторонники гибельного пути, проповедники «культурного пития». Расправляли примятые крылья и выпархивали на волю, кружили черными воронами

над доверчивыми, «культуренно»-одурманенными жертвами. Вынырнули из почти двухлетнего небытия отец и сын Левины, мало им показалось смертей и трагедий предыдущих загульных десятилетий. Захотелось еще покружить над «полем боя», попировать, поглумиться над останками в атмосфере гнили и разложения. Теперь они предлагали продлить запой вперемешку с лекциями о вреде излишеств до конца тысячелетия, ровно столько им, оказывается, нужно, чтобы приучить советский народ «пить в меру» (ТВ, «Чаепитие в ЦДЛ», июнь 1987 г.) И они были не в единственном числе. Незадолго до «чаепития» ленинградцы напускают на телезрителя целую команду «культуропитейцев», поддерживаемую голосистым и беззастенчивым ведущим. Почти откровенно, путем натяжек и подтасовок диктуется мнение, что весь народ желает пить «культурно и красиво». Оппонентам «культуропитейцев» во главе с Ф. Г. Угловым практически рта не дают раскрыть. Допускаются чудовищные, наглые реплики на весь Союз в сторону людей, отстаивающих единственно верную точку зрения, дескать, они «команда бывших злостных алкоголиков», и т. д., и т. п. Все это в конкурсной форме, тут же подсчет голосов — кто за «умеренное потребление». Разве демократия в том, чтобы открытым голосованием решать вопрос об употреблении наркотиков? Да еще под давлением «культуропитейцев», когда распаляются низшие инстинкты?! Вспомним злое и ироничное у Высоцкого «все вопросы мы решаем глоткой». Так, что ли? Просто шабаш какой-то! А началось...

Началось чуть ли не сразу после Постановления. «Положительный, прогрессивный» сторонник перестройки, герой пьесы Ф. Бурлацкого «Два взгляда из одного кабинета» с экрана заявил миллионам, что, дескать, ничего, понемножку можно, только ежели, по поводу и культурно. Начало было положено, знак дан. Первыми взроптали кинорежиссеры, лишенные возможностей смаковать «кайфовые»

сцены и делать из больных людей — а алкоголизм это болезнь, как бы ни выглядели смешно и нелепо со стороны алкоголики — клоунов в своих фильмах. Ролан Быков в интервью заявил, что, дескать, «уважает бокал-другой», не отказывает себе. Это, конечно, его личное дело. Но зачем рекламировать спиртное детскому кинорежиссеру? По телевидению?! Ведь не даром за пять-шесть слов рекламы на западе известным личностям платят десятки, сотни тысяч долларов? И пошло потихоньку, поехало полегоньку, превращаясь в подобие снежной лавины, за той лишь разницей, что далеко не белых тонов лавина пошла, грязно-серая, мрачная, засоряющая мозги надеждой на «красивопитейную», сладкую жизнь. И стоило на телевидении появиться одной-единственной передаче в поддержку трезвого образа жизни, как самые черные комья и шматы грязи полетели в нее. «Чаепитие в ЦДЛ» тут же подверглось критике в «Литературной газете», бывшей в свое время главным идеологом «культуропитейщины» (см. «ЛГ, 24 июня 1987 г., «ТВ 7Х7»). Прозвучали выпирающие изо всех рамок слова С. Баруздина: «все в ней (передаче — Ю. П.) было ложным». Вот как! Это уже не комок грязи, это нечто большее. Недостатки, конечно, в передаче были, еще бы, на ТВ начинать приходилось с нуля, это всем должно быть ясно, ведь сколько лет оно было ежедневной рекламирующей винопотребление организацией. Да и вся история человечества подтверждает — труднее всегда тому, кто отстаивает правду; выбравшему удобную, выгодную позицию в своих корыстных интересах всегда легче, он все рассчитал, он холоден и спокоен. Но позиция Баруздина? Чтоб «все было ложным»?! И еще целая куча подобных эпитетов, да вдобавок апелляция к «святой памяти погибших в годы Отечественной» — не перебор ли это?! Святая память погибших не была задета выступавшим в передаче генералом ни в малейшей степени. Мои отец и мать, оба участники войны, полностью согласны с

выступавшим — ничего кроме вреда окопные сто грамм не принесли — навязанное на фронте пьянство оборачивалось смертями, никому отваги не прибавляло, не говоря уже о его страшнейших послевоенных последствиях. Видно, некоторые литераторы поглядывают на жизнь лишь из своего индивидуального «окопа» — пьян, сыт, и нос в табаке — а там хоть трава не расти, нет никакого дела до трагедии миллионов, лишь бы «положенные сто грамм» вовремя подносили, и еще кое-что! «Святую память» заслужили себе солдаты не тем, что пили. Это и Баруздину должно быть известно. А о тех, кто наливал и памяти быть не должно, кроме вечного проклятья — играя на минутных настроениях и желаниях живых людей, они убивали, калечили их самих и их потомство!

Двумя неделями позже «Литературка», не пожалев почти целой полосы, поделилась с читателем, как красиво и культурно пьют в маленьких французских кафе, как культурно и «по-европейски» там, во Франции, решают проблему алкоголизма. По ходу дела хочется отметить характерное для этой газеты той поры: про Запад — или мрачно-обличительно, типа «черные тучи сгустились над Капитолием», или же снизу вверх, коленопреклоненно, с подобострастием, дескать, учиться нам и учиться у «просвещенных европ», где, кстати, по словам автора, «пьют потихоньку, но с утра до ночи и изо дня в день». Характерно и то, что свой тон — упомянутые «или — или» — газета, похоже, не собиралась менять, несмотря на все заверения «перестроиться», выданные за последние три года. Нет, она по-прежнему или «обличала», или заискивала, промежуточных вариантов не наблюдалось. Так вот, статья А. Сабова в «Литгазете» от 8 июля 1987 г. «Победила ли Франция пьянство. Интервью с автором «Кодекса питейного заведения» по своему названию да и по беглому прочтению могла показаться «антиалкогольной», если не брать во внимание ее чисто психологическое воз-

действие. Прочитав ее, даже непьющий затоскует по этакому маленькому, уютненькому, тихому кафе, где можно не спеша пообщаться, вкусив между делом «культурных напитков» — опять-таки все красиво и очень пристойно — мастерски изготовленная приманка. Этой статьей «Литгазета» формально отчиталась, вот, дескать, наш вклад в общее дело «борьбы за трезвость». А фактически подыграла «культуропитейцам», статья стала первой крупномасштабной акцией по рассчитанному на время размыванию понятия «трезвого образа жизни». Если отбросить не всегда уместную деликатность и сказать прямо, то после двухлетнего перерыва она стала очередной попыткой найти «красивые» формы спаивания тех, кто пока не поддается этому. Характерна и критика «сухого закона». По Сабову именно он породил американскую мафию. То-то страху обывателю — вот введут «сухой закон», и у нас мафия появится! Два года до того в заметке «Трезво о пьянстве» «Литературка», ссылаясь на французскую «Монд», писала о Франции значительно «трезвее», без умиления.

«Московский комсомолец» пошел дальше всех. А. Аронов в статье «Ваши голоса и высказывания. Размышления о телехитпараде» от 1 июля 1987 г. устами «жителя Большой Грузинской», заверяя, что это «мнение большинства», назвал участников «чаепития» «оголтелыми трезвенниками» (!), саму передачу «полным абсурдом» (!), утверждал, что «в борьбе с винными магазинами мы уже преуспели». И тут же одобрил присутствовавших на «чаепитии» Левиных, которым, дескать, принадлежала «единственная трезвая мысль». Причем Левиных автор представляет как борцов за трезвость и единомышленников остальных участников! Ха-арошие воспитатели у нашей комсомольской молодежи! Просто не верится, что такое могло происходить в открытую. Оболгать, нацепить ярлык на честных, порядочных, неравнодушных людей, оклеветать их перед юными читателями, верящими газете своей, —

какой старый, проверенный, какой мерзкий прием. И это после того, как в Постановлении черным по белому было написано: «Совершенно нетерпимыми являются факты, когда в средствах массовой информации, в отдельных произведениях литературы, в кино и по телевидению проповедуются идеи «культурного», умеренного употребления спиртных напитков». Впервые после пьяных десятилетий была сказана людям правда. Никто этих строк не перечеркивал и не переиначивал, ни в одном партийном или правительственном документе они не отрицались и не пересматривались. Так как же могло случиться подобное? Как могли себя поставить выше, во всяком случае, вне партийных решений торговые работники и административная власть на местах, кое-кто из писателей и журналистов? Как могло такое случиться!? Натиск принимал фронтальный характер. На читателей и зрителей обрушились следом за первыми призывами целые лавины требований немедленно же приниматься за «культурное и умеренное» питие. За спинами ораторов и писак явно проступало хамоватое мурло всесоюзного алкогольного синдиката, этого государства в государстве.

На писательских форумах ставился вопрос о том, где были наши маститые, авторитетные, руководящие и вхожие в кабинеты литераторы-прогрессисты, когда шла борьба с переброcчиками рек? Хочется задать близкий вопрос, оговорясь, что нет нужды перечислять истинно народных российских писателей, радеющих о физическом и нравственном здоровье народа, — их имена на слуху. А вот где в святой борьбе за жизни людей «маститые» и «вхожие»? Где громокипящие «демократы», поборники прав малых народов и прав вообще (по своему выбору)? Где они? Когда-то были отзывчивее. В 70-х, в эпоху очередного взлета «культуропитейной» пропаганды Е. Евтушенко с ходу отозвался восторженно-рекламным гимном пиву в поэме «Северная надбавка». Помните, «по пиву вдарим, корешь, пивцо зальем пивцом!» и т. д. Залили. Под самую завязку залили, так, что до сих пор выплескивается! А где он был в 85-87 гг.? Молчал. Похоже, нет дела глашатаям-«народолюбцам» до страданий и трагедии собственного народа. Это нынче не в моде. Им бы покрасоваться перед инолюбителем «поэзии», и неважно, с чем, лишь бы этому «любителю» по вкусу... Я не отвлекаюсь от темы, не забираюсь в дебри — есть моменты, которые помогают раскрыть глаза, увидеть «кумиров» без прикрас, в истинном свете. Итак, краснорубашечный в псевдорусском стиле на гастролях в США и краснокостюмный у нас в Останкино поэт, чудом не зацепившийся за «веревочную лестницу иностранного вертолета», хотя «патроны и силы» у него кончились («Огонек» № 9, 1987 г.), тем не менее, не утратил надежды нырнуть в наших водах, а «вынырнуть в Миссисипи». О нырках повествовало его творение. Стих как стих, может, и неплохой. Но как прочитан был во время концерта перед участниками конгресса «За безъядерный мир...»! Телевидение нам это крупным планом показало. Аж в глазах зарябило, по ушам резануло... и не только по ушам. По-русски строки, описывающие нырки поэта, произнесены были бодро, маршево, в полный голос... Но тут же последовал авторский перевод на английский — где бодрость? где голос? — с особой доверительностью, поблескивая преданными, умильно округлившимися глазами, на полушепоте поэт поведал о своем желании, потряс головой, вкрадчиво улыбнулся, будто ожидая похвалы, дескать, вы меня поняли, господа, из Волги и к вам? ага? «Обличитель и пророк» согнулся вдруг, съежился... и пропал, превратившись в полового с полотенчиком через ручку из псевдорусского кабака. И все на свои места стало, прояснилось — нет, бьющие себя в грудь, кликушествующие «демократы» не снизойдут, на них не приходится надежды возлагать. Одно дело блистать на загранэстрадах, эдаким «рюсским мюжичком», дру-

гое — брать на плечи тяжкий груз народного горя и нести его со своим народом, распрямляясь и снова сгибаясь, но не выскальзывая из-под него на сторону, нести, не теряя надежды изжить это горе, избавиться от смертного груза. Нет, гастролерам это не под силу.

Впрочем, чуть позже, конъюнктурно, конформистски притихший поэт-глашатай гидроэлектростанций и калининских проспектов-челюстей, проявил-таки себя. Когда почуял, видно, что в общем поднятом хае и его голосок прозвучит в унисон, не вызовет в верхах неудовольствия, выступил в открытую на страницах той же «Литературки» с циничной, но объемистой статьей под кликушеским названием «Притерпелость» (ЛГ, II мая 1988 г.). Основным-то, конечно, в статье было желание выставить виноватым во всем сплошь и рядом «отупелый, притерпелый» русский народ, позволявший «правящей кучке делать с ним все, что она хотела». Но и по части рекламы винопития поэт расстарался. В этой статейке обрушился Е. Евтушенко на тех, кому помыслилось увидеть общество трезвым, здоровым. А главным его доводом стало следующее: «Все классики марксизма-ленинизма любили пиво. Пушкин — шампанское». Вот ведь как! Глашатай решил бороться с противниками политическими методами, дескать, не пьешь пива — против марксизма-ленинизма, а стало быть, «враг народа»; не пьешь шампанского — Пушкина не уважаешь и не понимаешь, что с тобой, дескать, тогда вообще разговаривать! Хороши приемчики! Особенно первый, взятый прямо из бериевско-ежовского набора. Впрочем, Евтушенко ссылается и на двух-трех человек, задавленных в очередях, дескать, доколе! Он и его сторонники обычно приводят также и сведения о десятках отравившихся всяческой химией, умерших от нюхачества... И взывают, взывают — «почему миримся со смертями невинных, желающих пить культурно?!» А почему тот же поэт и иже с ним упорно помалкивают

о сотнях тысяч непогибших в год от алкоголя? А за последние три года, так и нескольких миллионах выживших? Или может, им надо бы погибнуть, чтобы «двое-трое из очередей» брали без очереди?! Странная арифметика! Вот так считают наши непритерпелые, гордые «прорабы-прогрессисты», своя у них мерка, свой подход, по мерзкой поговорочке: «меньше народу-больше кислороду». Выходит, и для «культурпитейцев» наших, чем больше спитых, одурманенных, погибших, сидящих по пьянке в лагерях и ЛТП, получивших инвалидность и выбывших из игры, тем «больше кислороду» и меньше конкурентов, а следовательно, больше на их собственную долю придется престижных заведений и удобных мест, распределяемых обществом благ и вечно пребывающих в большинстве, хотя после войны уже не одно поколение народилось, женщин. Вот какая оказывается арифметика! Ну и плюс доходы торгашам-винопродавцам, которые, наряду с прочей торговой мафией, для некоторых модных и «престижных» любимцев муз являются отчасти этакими «меценатами», что ли, этакими, как ныне говорят, «спонсорами».

Вот как вывернул дело поэт Евтушенко — дескать, и народец-то наш расейский, малокультурный и забитый, нецивилизованный, потому и есть «притерпелый» и «отупелый», что не требует во всю глотку немедленной и неограниченной продажи спиртного на каждом углу. А по его замыслу, попоэтову, надо чуть ли не на баррикады выходить всей России со знаменами, на коих начертано будет: «даешь трудовому народу алкоголь!» и «вся власть — виноторговцам!» Такой вот заботничек о «притерпелом» русском народе выискался. Хотя, судя по всему, никому никуда выходить не придется, и так «дела налаживаются» по евтушенковским грандиозным планам и замыслам. Но «вернемся к нашим баранам».

А тем временем Левины мелькали тут и там, почуяв безнаказанность, ткали липкую паутину,

взывали к «общественности», разжигали страсти. Во время «Круглого стола журнала «Коммунист» (ТВ, 8 июля 1987 г.) присутствовавшая там доярка предложила взимать штрафы с алкоголиков, заставляя их отрабатывать в нерабочее время, чтобы семья не страдала. Доярка — искренний, простой человек. Что-то в ее словах было правильным, что-то излишним. Но Левин-отец, уцепившись за слово, прямо-таки взвился над столом: «Почему дети должны страдать из-за этого подонка!» И гнев, и пафос, и якобы благородством пышущее сочувствие доярке и другим женщинам-страдалицам.., а в основе — желание увести разговор в сторону, сбить с толку, перекинуться с причины на следствие. Левины прекрасно знают, что алкоголик это следствие. Если не устранишь причину, так хоть всех накажи, хоть всех заставь «отрабатывать», всех заключи в ЛТП, — армия алкоголиков будет пополняться, а страдания в мире становиться все больше. Но Левиным для подтверждения своей «теории» выгодно приковывать внимание людей к застывшей, не имеющей временной оси картинке: вот непьющий, вот культурнопьющий, вот алкаш — источник всех зол! Они не желают показывать людям завтрашний день, где алкоголик уже мертв, а на его месте вчерашний «культурнопьющий» и т. д. Такая правдивая картина не прибавила бы авторитета ни им самим, ни их «теории». А в застывшем виде все так приглядно и хорошо И главное, расчет, да, самый обычный расчет на чисто человеческую психологию, свойственную, естественно, всем людям: кто-то болеет раком, но я не заболею! кто-то гибнет в катастрофах и попадает в аварии, но я не погибну и не попаду! вступающий в брак убежден — разводятся только другие! кто-то становится алкоголиком, но уж я-то ни за что не стану! Человек не верит, что с ним может случиться что-то плохое, и это не беспечность, это одно из проявлений инстинкта самосохранения. Этим-то и пользуются проповедники «культурной» алкоголизации.

И здесь вступает в силу обратная связь. «Культурспаивателям» удается вызвать резонанс. Все чаще раздаются надменно-обиженные голоса: «мы хотим и имеем право пить культурно, красиво и в меру! Чего нам-то страдать из-за этих поганых алкашей!» Голоса, порожденные самими левиными и ароновыми, ими же и подхватываются, тиражируются в миллионах экземплярах с помощью некоторых органов прессы и телевидения, возмущение принимает с их подачи якобы массовый характер, дескать, неповинные советские труженики страдают! почему они должны мучиться после нелегкого трудового дня?! отказывать себе в кружке портвейна?! бороться надо с этими «подонками»-алкашами!!! И борьба разгорается: гнев и возмущение огромного множества неподготовленных людей обращают не на источник алкоголизма, а на больных-алкоголиков — они виноваты во всем! из-за них мы не достигли до сих пор лучезарных вершин! всех их в ЛТП, навечно! и чтоб в руки ни гроша! и чтоб от зари до зари! без пощады и жалости!! ату их!!! Разгневанную общественность можно понять, ей долго внушали, что все беды от «распущенных, не умеющих пить культурно». И внушали те же левины и ароновы, у которых образовательный уровень достаточен, чтоб знать, кто есть кто. Так нет же, левины упорно тянут общественное мнение вспять, к средневековью. Вспомним, ведь именно тогда душевнобольных пытались «вылечить», истязая их, колотя без передышки палками по голове, бросая попеременно то почти в кипяток, то в ледяную воду. Сейчас, так же как и тогда, многие не хотят верить, что перед ними больные люди, которых очень трудно уговорить стать здоровыми даже с помощью самых «правильных» слов и требуя с них самые страшные клятвы, которых невозможно насильственно «вылечить» ни непомерной работой «после работы», ни тюрьмами, ни лагерями, ни ЛТП, которые могут вылечиться только сами. Алкоголизм — попросту говоря, нарушение обменных

процессов в мозгу. Сама болезнь неизлечима ни на одной из своих стадий, ни у нас, ни за рубежом. И это известно каждому врачу. Спасение одно — отказ от наркотика, точно так же, как и в любом другом виде наркомании. Алкоголиков у нас по официальным данным около 15 миллионов, это зарегистрированных, фактически же — десятки миллионов — иначе бы и не было астрономических сумм прибылей от продажи водки. Но каждому ли больному под силу отказ, если наркотик на каждом шагу? Ведь даже в значительно менее слабых «маниях» (у нас, наконец-то, признано, что такие мании существуют и что это именно болезни, например, сахаромания. См. «Наука и жизнь» № 4, 1987 г., «Третье состояние») человеку, скажем, любителю пышек и пирожных, на практике самостоятельно почти невозможно отказаться от соблазна — выпечка и конфеты, пусть неважные, продаются везде. Вот и получается — ни избыточный, гнетущий вес, ни сопутствующие болезни, ни досадные ежедневные «мелочи» типа, простите, потливости, одышки, ни тяжкий, кошмарный сон, ни желание и призывы выглядеть молодо, модно, быть красивым и здоровым, ни упреки родных и советы врачей не могут заставить человека отказаться от мучного и сладкого. А что мы хотим от алкоголика?! У него мания значительно сильнее, у него нарушение обменных процессов перешло в патологическую зависимость, которая не поддается увещеваниям профсоюзных работников и женсоветов, (что не исключает, конечно, и эту сторону воздействия на психику — обработка должна вестись комплексно; пока наркотик повсюду. Не будет его, надобность в пустой говорильне отпадет — меньше обличителей, меньше виноватых, меньше комплексов, больше здоровых людей). «Пролечившись» месяц в клинике или пару лет в ЛТП, алкоголик в день выписки или освобождения сразу же направляется в винный магазин. Почему? А потому, что он себя уже считает здоровым, тут разъяснения врачей, как горох

о стену, — «раз лечили, значит, и вылечить были должны, иначе, что это за лечение, а раз так, то и мне культурно употребить не возбраняется, зря что ль лечился!» Логика простая. А бывает и вообще без логики — увидал магазин, пивнуху, батареи бутылок, услышал хмельные, возбужденные голоса — и все, попалась птичка! Пора уже понять, что больной, сам не выработавший установки на запрет, не может себя контролировать, на то он и больной, врачи пока что не в состоянии возродить у него в мозгу тот защитный барьер, который бы спас от рецидива, — и это тоже общеизвестно. После клиники, после ужаснейших мучений абстинентного синдрома (который многие ошибочно путают с обычным, не слишком уж болезненным похмельем после «культурного» возлияния), преодолев мучения и выйдя из криза, не успев еще почувствовать новой трезвой жизни, больной заранее обрекается обществом на новые муки, обречена на них его семья, дети. И только по одной причине — свободной продаже наркотического зелья. Не «ради собственного удовольствия, не считаясь ни с чем» пьет этот «отвратительный, порочный, распущенный тип», нет, он не может выйти из этого состояния, а если быть более точным, ему не дают. Причем, не дают, хорошо зная, что самому ему не выбраться. И он сам знает, пока «продукт» продается, обратного хода нет, только вперед, к преждевременной, страшной смерти. Если бы алкогольная отрава пропала с прилавка, любой самый запущенный, безнадежный, «отвратительный алкаш, которому не место в нашем обществе», через месяц-два после выхода из состояния алкогольной зависимости, упал бы в ноги тем, кто «отменил проклятую» и избавил бы нашу землю от этого всепроникающего яда. Он был бы рад, счастлив, доволен значительно больше, чем его родственники, которые уже сейчас готовы пойти на выплату «алкогольного налога», лишь бы ввели «сухой закон», он был бы обязан и сознавал бы это, потому что

это именно его не бросили бы подыхать в агонии, именно ему бы спасли и вернули жизнь...

Легко быть гуманным и человечным, обливаться слезами умиления при виде очаровательной малютки, уколовшей пальчик. Сложнее, если перед вами, скажем, не совсем приглядный больной, покрытый язвами и скрюченный, — от умиления и след простыл, хочется отвернуться, уйти, но вы понимаете — этот человек больной, он не виноват. Открыто ругая алкоголика, выплескивая на него самые отвратительные, грязные слова, помните — нет вашей заслуги в том, что вы не болеете раком или диабетом, в том, что вы родились на свет не калекой и не умственно отсталым, нет вашей заслуги и в том, что вы не больны алкоголизмом. Вам просто повезло — страшные болезни миновали вас. Конечно, тут сыграли и наследственность, и среда, и ваша личная убежденность и т.д. Но стоит задуматься и спросить себя: может ли хоть один из новорожденных, обрети он голос (или его родители за него), сказать с полной уверенностью — нет, ему не придется заболеть раком, умереть в молодости от инфаркта, спиться — он от всего этого застрахован? Нет, никто не станет гарантировать безбедной, здоровой жизни, даже самый доброжелательный сможет лишь пожелать этого, не больше. Никто не застрахован! Так почему не снизить количество факторов риска хотя бы на одну единицу, на алкогольную единицу!?

А так ли нужен алкоголь «умеренным» потребителям? Ведь это же бред, что без него обойтись нельзя. Он что, воздух, вода, еда? Если бы самой природой была заложена необходимость живого существа одурманиваться, мы бы это видели по братьям нашим меньшим. Но мы не видим у них ни намека на такое желание (если только человек искусственно не наркотизирует их). Да и сам хомо сапиенс большую часть своего существования в нынешнем законченном виде, а это по заверениям ученых не менее ста пятидесяти тысяч лет, не знал

никаких наркотиков. И табак, и алкоголь, и прочее — достижения последних двух-трех тысячелетий, и то далеко не для всех народов, для многих, например, российских, «наркотическая история» исчисляется лишь на сотни лет.

Так пусть «умеренные» сядут спокойно, расслабятся по всем правилам аутотренинга, чтоб голова ненадолго прояснилась, да и припомнят свои похмельные страдания, скандалы с родственниками, потерянные вещи, испорченное настроение, растраченные попусту и такие нужные для дела деньги (а ведь у всякого «умеренного» все это было в полном комплекте и еще с лихвой). Пусть вспомнят, какими пошляками и глупцами казались им их же друзья, застигнутые в пьяном виде, пусть представят, что и сами выглядят ничуть не умнее, пусть вспомнят, что любое опьянение казалось или слишком слабым или чересчур сильным, что золотой середины ни разу не бывало, а все радости и восторги на следующий день вызывали лишь раздражение и неловкость.

«Умеренность» это тоже зависимость, это тоже стадия, пусть нулевая или еще какая, не в нумерации суть. Достаточно выйти из порочного круга «умеренности» хотя бы на пару лет, на год — все увидится совершенно другими глазами. По своему опыту могу сказать, что после отказа от пития вся эта суета вокруг бутылки кажется со стороны дикой и невообразимой нелепицей — откуда это желание, параноидальное стремление во что бы то ни стало, за приличные деньги оболванить себя?! Когда проходишь мимо очередей, хочется крикнуть: «оторвитесь же от спин впередистоящих, посмотрите на себя! для чего все это?! никакой разрядки, никакого снятия стрессов вам это пойло не даст, сами знаете! наоборот, загоните стресс вглубь, а назавтра... или через неделю, через месяц (в зависимости от степени «умеренности») снова броситесь за наркотиком, «разряжаться»! ведь это замкнутый круг!» Нет, твердят заученное со слов левиных

«умеренные», с какой стати нам отказывать себе в маленьком, невинном удовольствии, лишать себя житейской радости. И тут, сквозь многие наши привычные, бодрые лозунги и определения пробивается невиданно жестокий, махровый эгоизм. Вдумаемся, две чаши весов: на одной «маленькие, невинные удовольствия», на другой мучительнейшая медленная смерть миллионов, именно миллионов, а не единиц и даже не сотен тысяч, гибель нации. Так имеем ли мы право вслух произносить слова «человеколюбие», «сострадание», «милосердие», если на деле не готовы отказаться от «хмельной житейской радости», «маленького удовольствия»?! Нас не касается, хоть гори все синим пламенем! Горит. Но коснется всех, расплата в конечном итоге придет. Сегодня многие свысока, с презрением и брезгливостью взирают на корчи и судорогу «опустившихся». Им, этим «многим», повезло, по счастливой случайности когти алкогольной смерти не сомкнулись на их горлах, и они расплачиваются лишь тяжелой головой и легким слабоумием после сорока пяти. Только вот нет гарантии, что так же повезет их детям и внукам. Себялюбцам надо бы задуматься.

Левин-сын, выступая по телевидению («Чаепитие в ЦДЛ»), стращал аудиторию, предрекал жуткую всесоюзную катастрофу, в том случае, если люди будут лишены водки, в случае «сухого закона». По его словам, только водка нас удерживает на краю пропасти, не будь ее, мы все тут же начнем вымирать от токсикомании и наркомании. Нелепое, дикое пророчество кое на кого подействовало. А со временем его подхватили, раздули, завопили как на пожаре: токсикомания! караул! суррогаты пьют! давай водяры вволю! Но психоз не распространился на тех, кто знаком с проблемой. Разве десяти-двенадцатилетние дети становятся токсикоманами потому, что у них водку отобрали? Нет, большинство и не пробовало на вкус алкоголя. Просто они дети «впитого» поколения, у которых в наследственности заложен поиск неестественных, нездоровых наслаждений. И больны они потому, что их отцов и матерей вовремя не лишили алкогольного наркотика. Что касается курящих и колющихся наркоманов, то не могут не знать Левины, что на трезвую голову, без стакана водки, а чаще бормотухи, ни один наркоман не делал первой затяжки, первой инъекции. Поставьте себя на место человека, которому предлагают вколоть какую-то дрянь. Уверен, если не пьяны до чертиков, вы пошлете предлагающего куда подальше... Те, кто сейчас не может жить без наркотика, был когда-то точно таким же, здоровым человеком, как и вы. Но в страшный, роковой свой момент он находился в алкогольном отупении, не контролировал себя. И это подтвердит любой наркоман.

Запугивают Левины и компания всеобщим взрывом самогоноварения, который окончательно разрушит «сухую» экономику, а вместе с ней и саму страну, погубит весь народ. Тут надо спросить нашу милицию, сможет ли она обеспечить по данному вопросу порядок на первых порах? Если на заре Советской власти смогла, то, надо думать, и сейчас не растеряется. О жалости говорить не стоит, в отличие от потребителей зелья его производители действуют в полном сознании, с корыстной целью, зная, что творят. С губителями человеческого здоровья и жизней надо говорить языком закона, а не увещеваниями — они поймут. А если вместо сотен тысяч, миллионов, попавших в лагеря по «пьяному делу», туда попадут сотни или тысячи самогонщиков, так только честнее и справедливее будет на белом свете. Со временем даже самые «несознательные» поймут, что самогон гнать нельзя, как нельзя изготавливать яды или разводить в домашних условиях смертоносные вирусы. Как нельзя курить в метро. Ведь никто не курит, знает — запрещено. А потому и желания не появляется. То же и с самогоном, он гонится, пока спиртное продается. И уж курам на смех, когда пыта-

ются сравнивать кустарное изготовление самогона по масштабам с гигантским промышленным производством. На наивных младенцев расчет!

В переходных процессах есть свои сложности. Выше говорилось «на первых порах», и неспроста, — взрыв самогоноварения при введении сухого закона, конечно, поначалу будет. Но недолговременный. Потому что через неделю, месяц... начнут действовать факторы отрезвления, порочный круг будет разорван, необходимость опохмелиться у большинства пропадет (а она есть и у «умеренных»!) Не каждый захочет начать с самогона. С коньяка, может, он бы и начал; еще меньшее число будет начинать с одеколона или лосьона — сейчас эти суррогаты пьют в основном те, кто в предыдущий вечер заливался водкой или вином. А главное, молодежь будет лишена источника и причины тяжелейшей болезни, не узнает вкуса отравы, а следовательно, и страдать от недостатка «житейских радостей и невинных удовольствий» нисколечки не будет. Это самая лучшая профилактика всех без исключения заболеваний, и телесных и душевных, та самая профилактика, о которой столь много, но до сих пор совершенно демагогически говорит наша медицина.

Существует множество попутных вопросов. На одном надо остановиться. Речь идет о массовом спаивании людей на предприятиях, где выделяется спирт для «протирки». Таких предприятий десятки, если не сотни тысяч. Соответственно число людей исчисляется на них далеко не единицами. Если приплюсовать этот спирт к «душевому потреблению», о котором говорилось в статье Ф. Г. Углова, то станет ясно, что мы перешли все допустимые и недопустимые границы и «катастрофическая черта, за которой неминуемо следует полное вырождение нации» (из упомянутой статьи) — это наша реальность, от которой не спрятаться за частоколом дутых цифр. Сколько писалось о губительности «протирочного» спаивания, но нет, воз не сдвинулся ни на миллиметр. Не хотят руководители предприятий пользоваться дешевыми заменителями, как это делается во всем мире, им спирт подавай! А не способ ли это поставить рабочего, техника, инженера в алкогольную зависимость от себя, приковать его, тихого, безропотного, алкогольной цепью к рабочему месту. Полупьяненький «протиральщик», может, и не даст большой выработки, но и критиковать не станет, он себя вечно обязанным и вечно виноватым чувствует, ничего не просит, даже на профсоюзные блага не претендует, лишь бы его ежедневная «наркомовско-окопные» сто грамм, ежедневная порция для «протирки» ждала на рабочем месте. Это ли не насильственное спаивание, особенно с учетом того, что «нормы расхода спирта в десятки (!!!) раз завышены». Так пишет в «Советской России» В. Исаев, работающий на одном из подобных предприятий в Москве. Он же добавляет: «За 20 лет работы на моих глазах спились десятки людей!» Похоже на эти предприятия ни постановления партии, ни указы не распространяются! Им, видно, выгоднее оснащать у себя амбулаторные наркологические кабинеты — все шито-крыто, комар носа не подточит, и в антиалкогольной работе этим кабинетиком отчитались, дескать, у нас «борются за трезвый образ жизни». Кого обманываем!?

Вот живет большинство из нас сейчас спокойно — не давимся у аптек за морфием, не покупаем у таксистов героин и крэк, обходимся без азиатских купцов-анашистов, и нет ни малейшего желания надышаться эфиром за собственные же деньги. А ведь так было бы, если бы все перечисленное свободно продавалось, как продается сейчас алкоголь. Но не продается, и нет желания «вкусить» новых радостей. Никого это не удивляет. А с водкой прямо беда! Ну пропадем без нее, ну не выживем просто! А ведь стоило бы прожить «по-сухому», так, чтобы ни в магазинах, ни по блату, ни на чеки, лет пять-десять — и нам самим же жела-

ние отупеть от наркотической отравы, поданной в самом изящном и благородном сосуде, в самой «культурной» и красивой обстановке, показалось бы маразматической паталогией, достойной лишь людей с больной психикой.

Тем, кто упирает на развал экономики, надо прислушаться к словам Ф. М. Достоевского: «Для приобретения хороших государственных финансов в государстве, изведавшем известные потрясения, не думай слишком много о текущих подробностях, сколь бы сильно не вопияли они, а думай лишь об оздоровлении корней — и получишь финансы». (ПСС, т. 27, стр. 13).

Сеять панику, запугивать нас начали не вчера. Вся «прогрессистская» пресса последние два года истошно воет о крахе, который неминуемо нас ждет, если не будут резко увеличены алкогольные мощности. Огромнейшую лепту в это дело внесли «Советская культура», «Юность», «Московский комсомолец», которому давно пора бы по своей сущности заменить название, многие другие, и, конечно, неутомимый коротичевский «Огонек» — маячок наш желтенький, зовущий в дали неведомые. Это на его страницах был оклеветан человек, ставший совестью страны, академик Ф. Г. Углов. Новый этап наступления на сторонников здорового образа жизни ознаменовался разжиганием истерической русофобии. Кому-то ой как не по душе пришлось то, что народ русский стал отрезвляться, приподнимать голову, вспоминать о своем достоинстве. Тут же по всей стране прокатилась кампания шабашей, тут же были подвержены травле все, кто хоть слово вымолвил в защиту русского человека или назвал себя таковым. Воистину, испугались, «а вдруг русский человек задумается: кто столько лет подряд ударял ему по мозгам бутылкой? И зачем?» Под истошные гимны, исполняемые в одном «семьсороковом» ритме, прокатился и грязный шквал террора, не пощадивший ни В. Белова, ни В. Распутина, ни Ю. Бондарева, ни сам «притерпелый»

народ. Русофобия приняла масштабы небывалые. А чтобы все выглядело прилично для верхов, помещались в «огоньках» псевдоэкономические статейки с кощунственными названиями типа «Во что обходится трезвость?» Вот и получилось, что «либералы» наши, «заботнички о народе» оказались на поверку совсем не теми, за кого выдавали себя.

Лопались один за другим слухи, распространяемые ими. Они запускали новые. Поняли уже самые непонятливые, что сахар «съели» вовсе не самогонщики, что его разобрали благодаря посеянной панике — и ведь не обвинишь людей, запасающихся впрок, не они виноваты, а прогрессисты, сбившие их с толку. Потом нам долго внушали, что пасту зубную «выпили». А теперь что «пьют» — мыло, стиральный порошок, лезвия, видеомагнитофоны, мебель, шмотки?! Так что ли?! Но прогрессистов-культуроспаивателей не усовестишь и не проймешь ничем. Они будут пугать нас и стращать, покуда своих целей не добьются. А цель их — не только власть духовная, но и политическая. Не верится? Вспомните Гельмана, призывавшего еще до XIX партконференции «брать власть в свои руки». Для чего им власть? Чтобы сподручнее спаивать народ? Одурманенная рабочая сила будет покорно работать на «совместных» химических предприятиях всевозможных хаммеров за развлечения и пойло.

Во что обходится, дескать, нам трезвость? А во что нам обходятся ненужные, вредоносные каналы? Хорошо, получим мы для экономики нашей «пьяные» десятки и сотни миллиардов. Получим и зароем в землю, пустим дымом по ветру, вложим в бомбы замедленного действия типа АЭС. Ну и для чего, спрашивается, людей губили, спаивали? Ведь миллиарды-то вырученные прахом идут? Вот вопрос вопросов! И потому не мешает спросить себя: а почему это все те, кто пропагандирует расширенную виноторговлю, никогда ни словом не заикнутся о вреде «переворотов» рек, гидроэлектростанций и их атомных собратьев-убийц, о недопустимости

глобальной хаммеровской химизации нашей страны и превращении ее в мировую свалку радиоактивных отходов? Как ни крути, а посредники-прогрессисты выступают не только губителями народа, но и природы, страны в целом. Впрочем, они проще смотрят на вещи, они в большинстве своем давно заручились поддержкой заокеанских «спонсоров», и потому экологическая катастрофа или вырождение нации их не пугает, им местечко на земном шаре найдется — не в одной стране, так в другой убежище сыщется. Да еще и наградных отвалят наверняка. А как же, зря старались, что ли? А куда народу, остаткам не спившегося, не погибшего к моменту экологического кризиса люда российского деваться? Так что, если разобраться, многие проблемы очень и очень тесно соприкасаются. Питать иллюзии не время, прошла та пора, когда можно было спрятаться, отсидеться у соседа или в погребе. Ныне грядет нечто непредставимое для нас, небывалое. В бункерах не выживем, да и нет их у нас.

Во всем мире сокращается выпуск спиртных напитков, ведется самая неумоливая борьба с винопитием и курением. Мы же опять начали расширять алкогольное производство. Повсеместно, даже в развивающихся странах, запрещаются строительства атомных и гидроэлектростанций, химических производств. Мы усиленно концентрируем химические гиганты всех желающих концернов на своей территории. Во имя чего? Или наш идеал — супергигантский химзавод, обслуживающий всю планету, на котором будет трудиться самая дешевая в мире рабочая сила — алкоголики из прикрепленных к этому заводу ЛТП? Иначе то, что происходит, объяснить трудно. Но к таким ли идеалам стремится народ? Евтушенко, Л. Овруцкий, опорочивший Ф. Г. Углова, левины, ароновы на этом всероссийском химзаводе трудиться на хаммеров за гроши не станут. Их дело, видно, готовить рабочую силу, жаждующую лишь развлечений и ежедневной выпивки.

Есть еще время остановиться. Или хотя бы снизить темпы падения в пропасть. Пока это еще в наших руках. Были у нас уже «вожди» типа Бронштейна-Троцкого, призывавшие бросить народ российский в топку мировой революции, пожертвовать им ради «счастья человеческого на всей планете». Хватит с нас уже жертвователей. А если найдутся желающие на роль таковую, неплохо бы им в первую очередь самим пример показать, собой пожертвовать. А народ уж поглядит и рассудит, стоит ли ему следом идти или же лучше жить на земле этой да радоваться ее дарам, созидать трудом своим все для себя и потомков своих, да без истерии, без бесовства и пьяной дури, без отравления своей земли химикатами и радиоактивными отходами, без «переворотов» веками текущих по своим руслам рек и без «спонсоров» заокеанских, которые, надо думать, далеко не все альтруисты.

Но без отрезвления общества мы не сдвинемся ни на шаг. Более того, мы не остановимся ни на миг в своем падении — не вытянут нас за соломинку ни кооперативы, ни хозрасчет с арендой, — слишком уж далеко зашли, чересчур уж, как наркологи говорят, впились. Нужна передышка, хотя бы временная. Конечно, кто-то будет «допивать» жизнь, не брезгуя ни одеколонами, ни гуталином. Но поколение — первое трезвое, первое здоровое поколение мы вырастим. С него все и начнется. С него возродится и нация, и страна.

1988 г.

Послесловие из 2004 г. Прошло время. Черные скоты споили Россию. Алкоголь стал этническим оружием. Скоты убивают русских детей водкой и пивом, наживают миллиарды, занимают нашу экологическую нишу... Россия гибнет не от атомных бомб, а от пива, водки и скотов.

Очернители,

или

«Россия жидами на откуп взята»

Одним из главных способов разжигания межнациональной розни и враждебности является дискредитация русского народа.

«Литературная Россия». Из обращения русских деятелей науки и культуры к интеллигенции народов СССР, декабрь 1986 года

Не проглядим ли мы ту же русофобию, выражающуюся в сосредоточении огня на русском народе как главной опоре многонационального государства, причем огня перекрестного, потому что стрельба идет и с тыла, и с фронта...

«Литературная Россия», Ан. Салуцкий

...я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе...

Павел Флоренский

В. Распутин на 1-м Съезде народных депутатов СССР метко окрестил «прорабов»-прогрессистов «ястребами, которые пытаются монопольно стать хозяевами перестройки. А всякого, кто не согласен с ними, объявляют врагом перестройки». Далее В. Распутин говорит, что «на пути к власти ястребами вводится, и вводится довольно успешно, систе-

ма общественного подавления». Зачем? Почему? Какими средствами и с какой целью? Вот в этом мы и попытаемся разобраться. Хотя бы по той причине разобраться, что объектом «подавления» становятся не только лучшие люди России, ее пророки и праведники, но и сам народ российский.

Решительным образом осуждая политический экстремизм двадцатых-тридцатых годов и его последствия, мы все же не имеем права вычеркивать из истории целые поколения людей, представляя их стадом бессмысленных и безответных рабов. А ведь именно это и делается ныне «прорабами». Героями «безвременья» выступают лишь отдельные представители интеллигенции, как правило, художественной и, как правило, вполне определенной национальности. Не заметить подобного в самых массовых наших изданиях, типа «Огонька» и «Юности», просто невозможно. Но разве подлинный интернационализм заключается в том, чтобы искусственно разжигать страсти, создавая образы героев и жертв, преимущественно принадлежащих к одному народу?! Нет, в этом нет и подобия интернационализма! В этом просматривается даже изрядная доля цинизма — ведь основные жертвы были принесены русским народом, хотя бы и в силу его многочисленности. Останавливаясь на этом вопросе, всегда необходимо совершенно четко знать и помнить, что ни о какой национальной узости, ограниченности русского народа говорить недопустимо. На протяжении веков русский народ формировался из представителей различных народов — это подтвердит любой историк. Именно поэтому русскому народу совершенно чужды националистические притязания, именно поэтому в нем нет ни феодальных, ни родоплеменных пережитков типа кумовства, узконациональных связей, круговой поруки. И именно по этой причине не всегда он может защитить себя от нападок коррумпированных недоброжелателей, объединенных корыстной целью.

Нападки делаются в ряде изданий, поставивших

себе одной из задач — очернение прошлого и настоящего русского народа. Дело доведено до того, что наши писатели, составляющие совесть страны, вынуждены оправдываться в печати перед некоторыми гонителями, справедливо поясняя несведущим, что «патриотом называться не стыдно».

В выступлении Ю. Бондарева на партконференции прозвучала жгучей, искренней болью справедливейшая мысль: «Вдвойне странно и то, что произносимые вслух слова «Отечество», «Родина», «патриотизм» вызывают в ответ некое змееподобное шипение, исполненное готовности нападения и укуса: «шовинизм», «черносотенство».

Нельзя с ним не согласиться — любовь к Родине некоторые представители прессы превращают в черное клеймо. Особенно страшно, что подобная обработка умов ведется и в молодежной, многотиражной прессе.

Что знает средний советский человек о «Памяти», ее представителях, программах? Да почти ничего. По той простой причине, что никакая информация не доходит до народа, за исключением погромных статей, в которые мало кто верит хотя бы потому, что если бы «Памятью» были нарушены наши законы, то ее руководители, члены давно бы сидели на скамьях подсудимых. Однако этого нет, несмотря на явные и многочисленные усилия некоторых групп прогрессистов. А следовательно, обвинения в «шовинизме, национализме, черносотенстве» в глазах большинства людей выглядят заурядной клеветой и наветами — и тем самым компрометируют издания, не отдающие себе отчета в том, чьи заказы выполняются ими.

Итак, с одной стороны, никакого подступа к средствам массовой информации, с другой — полная свобода слова в самой беззастенчивой форме. «Система общественного подавления» вводится довольно-таки успешно. Благодаря этому процессу стала, к примеру, возможной в нашем обществе та публичная казнь, которую учинил в 1988 году

при посредстве «Огонька» малоизвестный читателю Л. Овруцкий академику Ф. Г. Углову. Будто черной печатью припечатали имя человека, спасшего тысячи жизней и продолжающего святое дело борьбы за нравственное и духовное здоровье общества.

Облыжная статья Л. Овруцкого «Цитаты для академика» была помещена в одном номере с призывами В. Коротича «смело спорить с журналом».

Реакция на книгу академика Ф. Г. Углова «В плену иллюзий», изданную в 1985 году, выглядит вроде бы запоздалой, как бы случайно совпавшей с целой волной публикаций о «шовинистических проявлениях в нашем обществе». Ну да ладно, автору виднее, когда следует голос подать, влить его, так сказать в общий хор.

В. Коротич пишет: «У нас и вокруг нас прибавилось откровенности и ответственности». Что касается первого, да — прибавилось. Откровенности в статье Л. Овруцкого предостаточно. А вот как быть с ответственностью? Намного ли ее прибыло у некоторых авторов «Огонька»? Тут надо разобраться. Вот обвиняет Л. Овруцкий академика в страстности и «оперировании ложными оценками и сомнительными фактами», возмущается употреблением слова «иноверец».

Однако складывается впечатление, что не сама книга и не «иноверцы», упоминавшиеся в ней, досадили вдруг, через три года после ее выхода Л. Овруцкому. Нет, видимо, напугала его возможность говорить в открытую. Претит, видно, ему и то, что Ф. Г. Углов и его последователи настойчиво ищут дорогу к более чистому образу жизни, хотят помочь людям избавиться от страшного зелья. Не все приемлют этот путь. Наверное, Л. Овруцкого вполне устраивает нынешнее положение, когда значительная часть народа, миллионы людей пребывают чуть ли не в постоянном пьяненьком дурмане.

Не хочу искать злого умысла неких «темных

сил» и «злокозненных коварных врагов русского народа». Не хочу сваливать все на «тайные организации», нет. Но задуматься нам есть над чем. И ох как задуматься! Ведь разжигание темных, подспудных инстинктов ни к чему хорошему не приведет — кажется, многие пришли уже к пониманию этого. А кто-то по-прежнему тянет в старое болото, пользуется заплесневелыми методами.

Может быть, до революции евреи и русские не были по отношению друг к другу иноверцами? Так нет же, были! И пугаться этого вовсе не следует — это историческая реальность. Не скрываем же мы, что по отношению к православным христианам иноверцами были и народы Средней Азии, исповедовавшие ислам, и прочие народы, имевшие собственную религию. А для них, наоборот, русские были иноверцами, чего опять-таки пугаться не стоит. Или, может быть, значительная часть питейных заведений не принадлежала «еврейскому капиталу»? Да ведь не поспоришь с историей, с фактами, принадлежала! И то, что государственная монополия была отдана на откуп, ведь тоже общеизвестно, и за огромные суммы отдана! Все это реальность нашей истории. И Ф. Г. Углов, ни в коей мере не обостряя положения, вскользь, с присущей ему деликатностью, правдиво пишет об этом в своей книге — для него гласность не была пустым понятием и до 1985 года. Может быть, он первым нарушил закон молчания? Да нет, и до него писали советские авторы об этом. Про классиков же и говорить не приходится — известны значительно более резкие высказывания современников, почитайте хотя бы А. К. Толстого или Ф. М. Достоевского, их свидетельства — в книгах, изданных и продолжающих издаваться массовыми тиражами.

Вспомним хотя бы стихотворение «Богатырь», напечатанное в последнем четырехтомном Собрании сочинений Алексея Константиновича Толстого, тиражом 600 тысяч экземпляров. Так что даже при всем желании и при самой необузданной фантазии

происками «Памяти» и ее «боевиков» дела не объяснить. Итак, слово поэту.

Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жиды богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ.
. . . .
За двести мильонов Россия
Жидами на откуп взята —
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.

Резко звучит для нашего непривычного уха. Но все же следует отметить, что поэт, свидетель живых событий, знал, о чем писал. Справедливости ради заметим, что и «пилатам» досталось, в предвзятости Алексея Константиновича не обвинишь.

И не только на коренную Россию, Великороссию, обрушилось страшное бедствие, более губительное, чем неурожаи и притеснения помещиков. На грани исчезновения оказался белорусский народ. Г. Р. Державин, инспектировавший в начале прошлого века Белорусскую губернию, был поражен масштабами действий шинкарей. «Кому выгодно, чтобы целый народ спивался?» — вопрошал он. Крестьяне были настолько оплетены кабатчиками, что им возбранялось продавать хлеб кому-либо, кроме этих бессовестных и алчных эксплуататоров. У них же крестьяне обязаны были приобретать все необходимые товары. Разумеется, что хлеб покупался за бесценок, за промышленные же товары ломили шинкари втридорога, разоряя и без того небогатых селян. Г. Р. Державин представил правительству «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев», в котором ни в коей мере не задевал интересы еврейской трудовой бедноты и сред-

них слоев еврейства. Реакция была серьезной и незамедлительной. «...На Державина, яко на гонителя, по всем кагалам в свете наложили херим, или проклятие». Подробнее обо всем деле можно узнать из «Записок» Г. Р. Державина. На его подкуп еврейской буржуазией был собран 1 миллион рублей. Причем в случае отказа от взятки предполагалось физическое устранение генерал-прокурора Державина. Можно себе представить обороты преступного бизнеса в одной лишь губернии — по сумме, собранной шинкарями!

Длилось все это не год, не два и не десять лет. По всем губерниям российским прошелся страшный питейный мор. Много спустя после Г. Р. Державина писал о спаивании и Ф. М. Достоевский. В статье «Еврейский вопрос» он приводил, например, такие сведения о событиях в Литве: «...до того набросились там евреи на местное литовское население, что чуть не сгубили всех водкой, и только ксендзы спасли бедных опившихся, угрожая им муками ада и устраивая между ними общества трезвости».

Даже Н. Г. Чернышевский, которого нынешние прогрессисты при всей своей предвзятости навряд ли бы смогли заподозрить в пропаганде трезвого образа жизни, и тот вынужден был признаться: «Каждому известно, что, если село было зажиточно, пока не существовал в нем кабак, оно неминуемо беднеет вслед за основанием в нем кабака».

Положение складывалось нешуточное, более того, трагическое, грозящее крахом самому государству. Дамоклов меч завис и над народом российским — и не только как над основной производительной силой страны, основой экономической мощи державы, но и как над этносом. Напрямую встал вопрос: быть или не быть стране, быть или не быть народам российским? В этих условиях царскому правительству пришлось пойти на некоторые уступки народу и подлинно прогрессивной общественности. Не полностью, не в тех масштабах,

каких бы следовало ожидать, но все же удалось ослабить власть части коррумпированной верхушки, которой манипулировал «еврейский питейный капитал». До губернаторов был доведен циркуляр. В нем говорилось: «...Евреи, по характеру своему избегающие всякого тяжелого труда, особенно земледельческого, занимаются повсеместно питейной торговлей, ростовщичеством, а также, пользуясь нуждой крестьян, скупают произведения их и вообще эксплуатируют крестьян и уничтожают в самом корне их благосостояние. Покупая и арендуя земли, евреи не ведут правильного хозяйства, а стараются извлечь немедленно из земли как можно более дохода, уничтожая самую ценность имений и истребляя леса. Основываясь на собранных данных, губернские комиссии свидетельствуют о вреде для коренного населения, происходящем от такой эксплуататорской деятельности евреев, и указывают на необходимость принятия мер, клонящихся к ограждению от евреев местного населения, преимущественно сельского. Комиссии находят, что следует с этой целью: воспретить евреям жить в деревнях, заниматься там питейной торговлей как лично, так и через подставных лиц из христиан...»

Пострадала ли еврейская трудовая беднота от того, что корчмарям и шинкарям юридически — но не фактически! — запретили иметь кабаки в деревнях и спаивать трудовой люд России? Да нет, пожалуй! При чем здесь еврейские портные, сапожники, мелочные торговцы и ремесленники?! Пострадали лишь те, кто наживался на чужом горе, разорял крестьян. Да и то — пострадал-то не слишком сильно!

Такова была обстановка в стране, такова была реальность, скрыть которую не только не представляется возможным, но и вообще непонятно — для чего скрывать, кому это на руку?!

Так чем же Федор Григорьевич Углов не глянулся Л. Овруцкому? Откуда столько пафоса у последнего, столько навязываемого читателю возмуще-

ния? Прямо-таки оскорбленная невинность! Л. Овруцкий считает вполне допустимым походя перекладывать всю вину на «ненавистный царизм», будто «еврейский капитал» не работал рука об руку с этим самым царизмом, будто не было между ними сделок, в том числе и упомянутого «винного откупа».

Очевидно, что статья Л. Овруцкого имеет двустороннее воздействие: она одинаково ударила и по русским, и по евреям. Мы часто последнее время говорим о создании «образа врага» у советского и американского народов, об искусственном навязывании людям этого «образа», от которого давно пора избавляться. То же самое делает и Л. Овруцкий, только внутри страны. Его статья и создает эдакий двусторонний «образ врага» — каждая сторона найдет для себя нечто пугающее ее, отвращающее от другой стороны.

Разжигание национальных страстей, ярая психология групповщины, откровенное и даже агрессивное неприятие иной позиции — вот что, видимо, двигало автором статьи «Цитаты для академика». Трудно поверить, будто Л. Овруцкий не ведал того, что делает. Вместо протянутой руки дружбы он бросил в оппонента камнем. Вместо проявления подлинного интернационализма, понимания момента, вместо беспристрастного и вместе с тем осознанного взгляда в прошлое — желание вбить клин в нормальные, человеческие отношения между людьми, народами, стремление перессорить людей разных национальностей, нарисовав образы гонимых и гонителей.

Ну зачем в статье, посвященной книге Ф. Г. Углова, столь много внимания уделяется пресловутому «делу Бейлиса»? К чему все эти живописания, вполне уместные в исторических работах и романах, но какие-то лишние в данном случае? Для того чтобы показать, кто такой И. А. Сикорский, на которого ссылается в своей книге академик? Не чересчур ли, не самоцель ли это? Л. Овруцкий

попрекает академика наличием «желчной логики». Но подлинный разлив желчной логики, воистину, в его статье. Вот оно где — «оперирование сомнительными фактами и ложными оценками». Для того, чтобы опорочить Ф. Г. Углова, автор идет на все, даже на красочное, жуткое портретирование И. А. Сикорского. А ведь цитируемые авторитеты высказываются о качестве экспертизы, проведенной И. А. Сикорским по «делу Бейлиса». Но они молчат о его трудах, тех самых, что использовал частично в своей книге Ф. Г. Углов. Так к чему же передергивать факты? Зачем ставить под сомнение достоверность и научную подлинность тех работ, которые не оспаривались ни современниками, ни последующими поколениями ученых?

В своей статье Л. Овруцкий использует неизвестные цитаты из неведомых печатных источников. Приводит, например, такую: «Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь...» Прием не нов — склонить на свою сторону впечатлительного читателя, растравить его нежную душу. Но сочинитель забывает, что читатель может попасться и более искушенный, которому и другие высказывания знакомы. Например, Ахата Гаама, задавшего такую вот программу «гонимому и избранному» народу: «Добро применяется к сверхчеловеку или сверхнации, которая имеет силу, чтобы распространить и дополнить свою жизнь, которая имеет волю стать господином Вселенной, не считаясь с тем, что это может дорого обойтись массам низших существ и низших народов, не считаясь с бедствиями, которым они могут вследствие этого подвергнуться, ибо один только сверхчеловек и одна только сверхнация есть свет и цель человеческого рода, остальные были созданы, чтобы служить этой цели, чтобы служить лестницей, по которой можно было бы подняться на вершину». Здесь уже не воззвания к правительству, заранее невыполни-

3 — 9853

мые и эмоциональные, а циничная философская система.

Приведены крайние суждения из двух противоположных лагерей. Задумаемся, стоит ли на основании подобных высказываний экстремистского толка выстраивать логическую цепочку и вести читателя к заранее запрограммированным выводам? И тем более, открывая ему глаза лишь на часть правды, эдакую полуправду, которая уже в силу своей половинчатости есть не что иное, как ложь?

Ф. Г. Углов, ученый, врач, спасший множество человеческих жизней и продолжающий, несмотря на свой солидный возраст и огромную нагрузку, бороться за нравственное и физическое здоровье народа, этот подвижник и гуманист, записывается Л. Овруцким в черносотенцы. Как же тут быть с ответственностью; к которой призывает В. Коротич?!

Но, думается, «замысел» автора значительно глубже, ибо он не останавливается на одной лишь критике академика, уважаемого человека, критике, переходящей в поносительство. Какие же цели преследует статья? На первый взгляд может показаться, что Л. Овруцкий искренне борется с некими националистическими течениями в нашей жизни, что он активный проводник политики интернационализма и вообще всеобщей дружбы и взаимоуважения. Но фактически его опус — не что иное, как стремление разжечь национальную рознь, стремление, вылившееся на бумагу и доведенное до миллионов читателей.

Снова звучат старые, замшелые, трафаретные «истины» о гонителях и гонимых, снова разжигаются страсти. Чего же добивается Л. Овруцкий? Зачем вытаскивает на свет белый старые распри, зачем сыплет соль на старые язвы? Не от желания ли возродить бредовую идею притеснения «избранного» народа, не от стремления ли поселить в среде еврейского населения нашей страны иллюзию надвигающейся угрозы, дескать, гонители не дремлют, они продолжают делать свое черное дело?! К чему нагнетается обстановка? Зачем сейчас все это? И о каком гонении может идти речь, если с самой высокой трибуны были приведены впечатляющие цифры: процентное содержание евреев в общем числе наших граждан и процент занимаемых ими ответственных должностей, то есть 0,69 процента и около 20 процентов! При такой раскладке и проводить паникерские настроения в жизнь — ну, знаете!

Создание атмосферы гонения никогда не было выгодно рядовому еврею, всегда ею пользовались бесчестные люди, наживающие тот или иной капитал на страданиях, обмане и ошельмовывании собственного народа. Зачем понадобилось Л. Овруцкому выкапывать и гальванизировать труп старой, изжившей себя политики распрей и взаимного натравливания?!

Что касается академика Ф. Г. Углова, то ему не привыкать — и в ленинградской телепрограмме ему доставалось за приверженность к трезвому образу жизни, я имею в виду многим известное ленинградское телешоу под названием «Общественное мнение», где на деле-то общественным мнением вовсю манипулируют отлично слаженные команды все тех же «прорабов» и примыкающих к ним. И в прессе регулярно достается. Так, например, в «Московском комсомольце» некий полупризнанный поэт и комментатор А. Аронов, опираясь на мнение придуманного им же «большинства», в открытую и ничуть не стесняясь, называет Федора Григорьевича и его единомышленников «оголтелыми трезвенниками». Вот так! Похоже, ругань входит в норму. И все-то она несется из одного лагеря, с одной стороны — той самой, в которой так заботятся, не ведая ни сна, ни покоя, об «избранных и гонимых».

Вместе с гласностью к нам пришло и нечто иное. «В наших газетах и журналах могут оскорбить человека. Разве это допустимо в социалисти-

ческом обществе?» — сказал М. С. Горбачев на XIX партконференции. К сожалению, допустимо пока, сплошь и рядом допускается. И открыто оскорбляют, и под легкой вуалью словес, ничего не скрывающих. И просто диву даешься, сколько же в некоторых наших «прорабах», известных поэтах, прозаиках, критиках, бывает злости, недоброжелательства. И к кому? Да все к тем же, кому дорога Родина. Вот, скажем, Е. Евтушенко опубликовал в «Юности» стихотворение «Вандея!:

Идет реакция «свиньей»,
Как шла тевтонская угроза,
и у реакции родной (?)
есть дух вандейского навоза...

Провинции французской имя
к родимым рылам (?) приросло
Отечественное (?) болото,
самодовольнейшая грязь (?)
всех мыслящих, как санкюлотов,
проглатывает, пузырясь (?).

В таком же духе и далее. Чего только нет: и «топоры», и «погромы», и «о Родине радея» — чувствуете намек? — и «квасной угар». Тут же и про аэробику с экологией в одной куче. А в заключение эдакий призыв, характерный призыв наших псевдодемократов:

И быть пужливым «прогрессистом»
позорно в час, когда войной
с прихрюкиванием (?) и с присвистом (?)
идет реакция «свиньей»...

Поэт призывает быть «непужливым», к тем же «топорам» зовет, разумеется, пока лишь условным. Но кто знает, что дальше будет, когда «пужливые прогрессисты» во вкус войдут — не станут ли топоры настоящими?! В истории с нами подобное уже случалось. Но гадать о будущем не будем. Задумаемся, кого ж это Е. Евтушенко «вандеей» у

нас считает? На кого исполчился столь страстно?!

Рядовой читатель во внутренние «писательские» дела не посвящен, в мир окололитературных боен не вхож. Но «Юность» — для него, для рядового, со всеми своими миллионами экземпляров. И потому этот читатель вывод делает простой и верный. Кто подвергал у нас критике — и обоснованно — выверты с аэробикой, которая выглядит в наших условиях простой насмешкой над нашими труженицами, составляющими большую часть всех работающих в стране, — над ткачихами и хлопкосборщицами, над доярками и бесчисленными рельсо-, трубо-, асфальтоукладчицами? А кто у нас, как выражается поэт, «за экологию природы встает»? Кто «о Родине радеет»? Кто выступает против наркотических ритмов «металлоломного» рока (по-евтушенковски это звучит так: «Она рычит в квасном угаре, что рок-н-ролл — исчадье зла»), кто против одурманивания молодежи в самые лучшие годы, в самом восприимчивом возрасте? Читатель ответит без раздумья, для него не секрет, что за оздоровление общества выступают наши подлинно народные писатели В. Белов, Ю. Бондарев, В. Астафьев, В. Распутин, П. Проскурин, М. Алексеев. И никакого иночтения! Вот вам и подтверждение слов о том, что «могут оскорбить». Да еще как оскорбить!

Расчет Е. Евтушенко и, в большей мере, редакции «Юности» был предельно приземлен и прост. Глубоко порядочные, уважаемые и нашим народом, и всем цивилизованным миром русские писатели, соль всей российской литературы, да, собственно, и составляющие эту могучую и подлинную, классическую русскую литературу, никогда не ответят на подобные низкие выпады, оскорбительные и нелепые, не унизятся перепалкой ни с самим Е. Евтушенко, ни со всей плеядой «придворных прорабов», «придворных диссидентов», «придворных сочинителей», вышедших, как правило, из различных «домов на набережных». Но означает ли это, что

и общественность должна молчать? Думаю, нет, мы вправе оценивать происходящее.

Эх, если бы лишь Е. Евтушенко с Л. Овруцким! Нет, все сложнее. И «прорабам» имя — легион, и дела их «прорабские» — неисчислимы и многообразны. О некоторых из них поведаем ниже.

1988—90 г.

Послесловие из 2004 г. Нет, нельзя сказать, что вся Россия «жидами на откуп взята». Россию и всю её собственность, созданную нами за полтора тысячелетия потом и кровью, присвоили себе не только евреи, но и кавказцы, и всякие залетные прохиндеи из «независимых» и зависимых стран. Русский человек ещё и проснуться не успел, как оказалось, что он работает на заводе (фабрике, в конторе), принадлежащей гражданину интернациональной национальности. Да-с, господа русские, простота хуже воровства! Просрали мы Россию. И виноваты в том не «жиды» и чечены, не азеры и грузины – они просто взяли то, что плохо лежало, сработал хватательный рефлекс. Виноваты мы, что отдали – бери, мол, всё, не жалко! Отдали, забыв, что не нами наработано и накоплено, а отцами, дедами, предками нашими. Вместе с их гробами и прахом отдали. Себя и винить надо. Ибо мы – поколение предателей, подлецов и трусов. И приводимые мною вначале литературные бонзы типа распутиных – вдвойне предатели. Почему? А потому что, объявив себя «совестью народа» и «заступниками Руси», попрятались по уютным госдырам, продали и предали всё на корню. Увы.

Не тем богам мы молились, вот в чем беда...

А ныне эти «пламенные реакционеры» повылезали из щелей, зобы раздули... и вновь в «первых патриотах» ходят, никому не нужные, надутые. И смех, и грех... иудин.

Влесова Книга, лицемеры-русофобы и прорабы отречения

Все мы очень плохо знаем Россию, каждый из нас до того опозорил святыню своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту.

Н. В. Гоголь

В ожидании иностранной похвалы или хулы мы не сделаем ничего толкового.

Ю. В. Бондарев

Невесть откуда появившийся в последние годы и, по всей видимости, специально приобретенный редакцией газеты «Книжное обозрение» бойкий публицист Поэль Карп в буквальном смысле оккупировал ее. С ловкостью необычайной он берется судить обо всех на свете проблемах, не утруждая себя углублением в них.

О, чудеса гласности! Дрожите, несчастные, на подмостки борьбы за демократию вышел боец закаленный, истовый, он же непогрешимый судия: все знает, всех рассудит! Но стоп, может быть, ирония вовсе неуместна?

Попытаемся разобраться. Вспомним такой случай: на страницах «Книжного обозрения», еще до того, как эта газета вместе с изменениями в составе редакции приобрела желтоватый оттенок, писатель Ю. Сергеев высказал свои соображения по

поводу древнейшей русской летописи, так называемой «Влесовой книги». Сменилось газетное начальство, но про Ю. Сергеева не забыли, не смогли простить ему попытки поведать читателю хотя бы толику древнейшей русской истории. Один за другим авторы газеты, как в прежние времена, принялись дружно и на один лад клеймить инакомыслящего. Делалось это по известному клише: «сам не читал, но присоединяюсь к мнению...» В таком духе выступил, например, кандидат филологических наук Н. Богомолов, занявший привычную для «обличителей» менторскую позицию. И пошло, и поехало. Последний гвоздь вбил, разумеется, вездесущий и многознающий П. Карп.

Но обо всем по порядку. Что же такое «Влесова книга» и почему вдруг именно она, а точнее, простое и краткое упоминание о ней вызвало из «прорабской» целый шквал как прицельного, так и беспорядочного, но массированного артогня?

В 1919 году в разоренном имении князей Куракиных под Орлом полковником Изенбеком были найдены странные, испещренные письменами березовые дощечки. Они валялись прямо на полу, брошенные, видимо, за ненадобностью кем-то из мародеров-грабителей, искавших более осязаемых ценностей. Дощечки были очень старые, изъеденные временем и червями. Хранились они в библиотеке князей. Но во время погрома были разбросаны, передавлены сапогами погромщиков. Изенбеку удалось собрать часть дощечек. Как человек, имеющий отношение к археологии, он сразу обратил внимание на необычность дощечек, их не материальную, но историческую ценность. События гражданской войны вынудили полковника к эмиграции. Изенбек не расставался с дощечками до самой смерти, которая последовала в 1943 году. После этого дощечки исчезли. Судьба их неизвестна и поныне. То есть произошла примерно та же история, что с единственным списком «Слова о полку Игореве» — подлинник был утрачен.

Но Изенбек при жизни не делал тайны из найденных им «таинственных письмен». Более пятнадцати лет с дощечками проработал писатель Ю. Миролюбов, полностью переписавший «письмена» и расшифровавший их. Исследования проводили также востоковед из США А. Кур и проживающий в Австралии специалист С. Лесной.

Произведение, записанное на дощечках, и получило название «Влесовой книги» по имени упоминавшегося в «письменах» Влеса (для нас более привычное, более устоявшееся наименование божества — Велес. Но сохраним вошедшее в обиход название произведения).

Исследования показали, что историей как таковой эта книга не являлась. Она писалась, а первоначально скорее всего сочинялась в устной форме, как собрание нравственных, религиозных наставлений воспитательного предназначения. Здесь стоит упомянуть об интересной параллели — индоарийский памятник письменности «Ригведа», создававшийся в течение длительного времени, как и «Влесова книга», также полон бесконечно повторяющихся призывов к чести, мужеству, храбрости, воззваний к небесам о ниспослании благ. Все это характерно именно для тех племен, народов, что вышли из лона индоевропейской общности и еще долгое время сохраняли в тех или иных формах единые традиции. Но суть в том, что «воспитание» племенной молодежи проводилось на примерах героических, на деяниях и подвигах предков, на традициях самого народа, древнего и могучего. И потому во «Влесовой книге» довольно-таки определенно прослеживается история русского народа с самых ранних времен.

Не всегда наши предки были оседлыми земледельцами. По «Влесовой книге» они «водили скот» от Амура через евразийские степи и до Карпат. Повествования о странствиях мирных пастухов-кочевников (не следует путать с воинственными кочевниками Средневековья) и составляют основу

произведения. Заметим, что таблички были найдены в 1919 году, а десятилетия спустя академику Б. А. Рыбакову удалось доказать, что наши предки были именно такими кочевавшими пастухами, осваивавшими и земледелие. Об этом можно прочитать в его книге «Язычество древних славян». Об этом говорят и факты, подтверждающие быт и особенности древних индоевропейцев, из числа которых исключить праславян никак нельзя.

Крупнейший специалист по древнерусской истории А. Арциховский считал, что «Влесова книга» описывает подлинные события из истории славян. Правильность сведений, заключенных в древнем произведении, постоянно подтверждается новыми археологическими открытиями, лингвистическими розысками. Если мы предположим, что «Влесова книга» была создана в конце прошлого или начале нынешнего веков ловким мистификатором, то как мы сможем объяснить тот факт, что он обладал данными, неизвестными науке того времени?

Исторический путь мирных пастухов-кочевников был не всегда прост и бескровен. Во «Влесовой книге» описываются и военные столкновения с жестоким и сильным противником, победы над готами, аланами. Но это всегда был прямой, честный бой за жизненное пространство, ничего общего не имевший с коварными, стремительными набегами восточных кочевников.

Язык «таинственных письмен» — не совсем привычный для набивших руку на памятниках церковнославянской письменности исследователей. Это многих и вводит в сомнения, заставляет относиться к произведению скептически. Но, наверное, было бы странно, если бы «Влесова книга», по своему содержанию языческое произведение, была бы написана по всем канонам православной церкви XI—XII веков. Короче говоря, нынешняя наука столкнулась с произведением неординарным. Однозначно доказать подлинность или фальшивость его пока невозможно.

Разбор «Влесовой книги» требует и времени и места. Нас же в данном случае интересует подход прогрессистов-«прорабов» к самой возможности доведения до читателя интересных фактов русской истории. Похоже, действует известный принцип «тащить и не пущать!». Так, упомянутый нами Н. Богомолов, по ходу дела заметив, что Ю. Сергеев навряд ли читает серьезную научную литературу, посоветовал ему обратиться к статье доктора филологических наук О. Творогова «Что стоит за «Влесовой книгой» («Литературная газета» от 16 июля 1986 года), дескать, там от «лжелетописи» камня на камне не оставлено. Что же, О. Творогов на самом деле известный ученый. «Литературка», конечно, не шибко научное издание — тут Н. Богомолов явно сам себя высек. Ну да ладно! Ознакомившись со статьей О. Творогова, читатель заметит сразу же, что, к сожалению, в ней нет ни единого — подчеркиваю, ни единого— аргумента, опровергающего подлинность «Влесовой книги». Автор в основном упирает на то, что дощечки нашел «белогвардеец», то есть, «враг народа», а стало быть, доверия ему и его дощечкам быть не может никакого. О. Творогов пытается внушить читателю, что, дескать, эти нехорошие люди сами и сотворили «подделку». В научной печати О. Творогов с обоснованной критикой «Влесовой книги» не выступал.

Вернемся к П. Карпу и его статье. Наш грозный судия, решив, что Ю. Сергееву досталось мало, вновь исполчается на писателя. Выводы строги и категоричны: «Влесова книга» — подделка», а «Сергееву наука не указ». Напомним, что под «наукой» снова подразумевается популярная статья из «Литературной газеты». Какое отношение имеет к науке П. Карп, истовый поборник демократии для избранных, не совсем понятно. Если бы имел, он бы знал наверняка простейшую, известную любому ученому и иже с ними вещь — для того чтобы определить подлинность того или иного произведе-

ния, его следует опубликовать (разрядка моя. — Ю. П.), подвергнуть научной критике на страницах научной печати, а потом уже судить да рядить. Так заведено во всем мире. И ни одному из самых видных специалистов не дано право решать подобные вопросы в одиночку, за глаза. И, кстати, надо заметить, что за рубежом вышло уже несколько научных изданий «Влесовой книги», исследователи занимаются ее изучением, без паники и запретительства, столь любимого нашими «прорабами». И окончательный приговор пока не вынесен.

Но П. Карп распространяет научные и демократические принципы лишь на область ему угодную. Русская история в эту область не вхожа.

Представим себе такую картину: где-нибудь, скажем, во Франции, находят древнюю летопись, а затем все развертывается по известной уже схеме: рукопись вывозят, публикуют по всему миру, обсуждают, спорят, а в самой Франции — ни гугу! Представимо? Пожалуй, нет. Ни в одной стране мира подобного произойти не может. А у нас происходит! Группа лиц, имеющих свои особенные понятия о русской истории, русском народе, на протяжении уже длительного периода держит этот народ в состоянии исторической неосведомленности о своем прошлом. Причина? По всей видимости, какой-то навязчивый страх, что народ обретет вновь чувство национального самосознания, выдаваемое кое-кем за «шовинизм», «национализм». Что там «Влесова книга»! Семьдесят лет в нашей стране не публиковали великое произведение русского гения XI столетия «Слово о законе и благодати» Илариона! Лишь в 1988 году под напором здоровых, пробудившихся сил общества был опубликован полностью этот драгоценный памятник русской словесности. Кто же нас оберегал от публикаций его? Да все те же лица, все те же «прорабы», что стращают нас на каждом углу мифическими, созданными их воображением «черносотенцами».

Теперь очередь за «Влесовой книгой». Когда она будет опубликована на своей исторической родине?! Кстати, причин для запретов быть не может: в книге нет ни пропаганды войны и насилия, ни порнографии и шовинизма, ни тем более стратегических секретов и военных тайн.

В своей статье П. Карп замечает: «Бескультурье насаждает избирательную память». Надо признать, замечание очень верное и, если рассматривать его применительно к самому П. Карпу, достаточно самокритичное. Его «память» поистине «избирательна» — П. Карп хочет «помнить» лишь плохое. Все доброе, светлое, по всей видимости, не вписывается в рамки его концепции российской истории.

По П. Карпу, можно и нужно постоянно напоминать читателю о древности «избранного» народа, но совершенно ни к чему хотя бы раз сказать о том, что корни славянства уходят в глубочайшую древность и что до этого существовала единая славяно-балто-германская общность, а еще ранее, около шести-восьми тысячелетий назад, — индоевропейская.

Подлинность «Влесовой книги» пока не установлена наукой, но в этом произведении четко прослеживаются пути наших предков, в нем ощущается историчность мировоззрения, которой так не хватает школьным учебникам истории. Касаясь средней школы, надо сказать прямо, что в последние годы мы не только не выправили положения с преподаванием истории, но напротив — усугубили его. В московских школах с 1988/89 учебного года проводится непредсказуемый своими последствиями эксперимент. В четвертых классах отменили преподавание родной истории. Вместо нее дети теперь расширенно изучают историю древнего мира — на четвертый класс приходится Восток: Шумер, Ассирия, Иудея... Получается, что дети до седьмого класса не будут знать, кто они, откуда, в какой стране живут, а многие, при нашей системе распределения школьников, вообще не узнают никогда

родной истории. Такое вот искусственное программирование беспамятства, такая вот «избирательная память»!

Говоря о проблеме древней нашей истории, о сути и смысле «Влесовой книги», о путях цивилизаций, нельзя обойти выдающегося русского ученого, лингвиста, филолога, подвижника, в самом высоком понимании этого слова. Речь идет о человеке, которого, пожалуй, по степени и уровню его вклада в отечественную науку и культуру можно сравнить лишь с В. И. Далем, о ведущем этимологе славянских языков Олеге Николаевиче Трубачеве. Под редакцией О. Н. Трубачева осуществляется фундаментальный труд, не имеющий аналогов в мировой славистике, — «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». Значимость этого труда для науки необычайно велика. Помимо того, языковедом ежегодно выпускаются в свет сборники «Этимология», в которых сам Олег Николаевич на языковых примерах показывает наличие в Северном Причерноморье индоарийского элемента. Для тех, кому не совсем понятно, о чем идет речь, добавлю — в последние десятилетия, буквально на наших глазах, основным инструментом исторического поиска, надежным щупом исследователя стала лингвистика, оттеснив на вторые места и археологию, и антропологию, и историографию как изучение письменных источников. Этот процесс наблюдается во всем цивилизованном мире. Причем и мы не отстаем пока что от мировых достижений, благодаря тому, что среди нас живут ученые типа О. Н. Трубачева; а в чем-то даже идем впереди. И это несмотря на то, что, как выразилась Л. Жуковская в опубликованной «Молодой гвардией» статье «Тихая катастрофа», ныне наблюдается «разгром русистики, а вслед за ней и славистики в нашей стране». «Такое состояние, — пишет она, — указывает на невежественность или на санкционированный кем-то отрыв целого поколения от сокровищ национальной русской, славянской, а тем самым и мировой культуры. С этим нельзя не согласиться.

И все же, не обращая внимания на открытое противодействие, О. Н. Трубачев, как и свойственно российскому подвижнику, остается верен себе, своим трудам. Перестройка вселила веру и надежду в русский народ. Благодаря ей стало возможным появление в многострадальной земле Русской таких объединений, как «Товарищество русских художников», «Отечество», «Единство», и других. Всероссийским фондом культуры, председателем правления которого является П. Проскурин, была предпринята инициатива по созданию Русской энциклопедии, многотомного труда, цель которого — наиболее полное освещение всей русской истории — с древнейших времен и до нынешних дней. При Всероссийском фонде культуры создан общественный совет по подготовке издания. Его возглавил языковед, ученый с мировым именем, член-корреспондент АН СССР О. Н. Трубачев.

Да, мир наш держится на праведниках и подвижниках. Не оскудела еще талантами земля Русская, как ни старались ее хулители, какую бы власть они ни держали в руках.

О. Н. Трубачев на основе многолетних исследований и всего опыта славистики выдвигает предположение о том, что славяне являются прямыми наследниками древних индоевропейцев. Именно славянские языки, в том числе и русский, сохранили в наибольшей чистоте архаическую терминологию предков почти всех европейских народов. И, видимо, именно протославян следует отождествлять с индоевропейцами как таковыми. Все прочие языковые группы, а следовательно, и европейские народы, отпочковывались от единой общности, которой были древние индоевропейцы. Пугаться столь непривычного хода рассуждений не следует — ни тени «шовинизма», «национализма» в них нет и не было, хотя бы потому, что эти самые протославя-

не изначально были этнически смешаны, объединял их язык и нечто большее, чем простое физическое сходство. Антропологи подтверждают это. Надо думать, что именно с тех пор славянам, русским присуще качество, подтверждающее их природную открытость, природный «интернационализм», то есть способность к ненасильственному, естественному породнению с иными народами — ассимиляции и ассимилированию. О. Н. Трубачев считает, что область формирования индоевропейцев совпадает с прародиной славян. И он не единственный в научном мире, кто разделяет подобную точку зрения. С ее популярным изложением можно ознакомиться в предисловии и комментариях к недавно вышедшему двухтомнику «История Отечества: века VI—X. Откуда есть пошла Русская земля». Правда, надо заметить, что издание стало библиографической редкостью, которую практически невозможно приобрести даже в книгообменах или увидеть на прилавках, где выставлены книги по «договорным» ценам.

Даже если допустить, что «Влесова книга» была «сфабрикована» ловкими людьми, то и тогда никуда нам не деться от признания, что эти «мошенники» обладали какими-то древними рукописями, в которых содержались подлинные сведения. Ведь не могли же «мошенники» оказаться провидцами, случайно угадавшими множество вещей, которые стали в наше время признанными фактами науки.

Непонятная, точнее, необъяснимая с точки зрения здравого смысла стена выросла на пути опубликования «Влесовой книги». И это при том, что во всем мире печатают даже подделки, не считая нужным скрывать их и вести закулисные игры. Причем кое-что перепечатывают и у нас, взять, к примеру, творения «Оссиана», сочиненные талантливым, но все же фальсификатором Макферсоном. И только касающееся Русской Истории — табу!

Историческое мировоззрение П. Карпа задержалось на уровне «просвещенного» XVIII века, когда

в науке господствовали примитивные германофильские теории Миллера и Шлецера, развивших откровенно антирусскую концепцию Готлиба Байера, отца норманизма. Учение это широко известно, суть его в том, что норманны якобы принесли диким и отсталым славянским племенам государственность. Сам норманизм, как явление, близкое к науке, практически зачах. Лидер норманистов — шведский ученый Стендер-Петерсон несколько лет назад на международном конгрессе норманистов вынужден был публично признаться, что ни одного «работающего» аргумента в руках его последователей не осталось. Правда, кое-кто продолжает держаться за удобную «теорию» — и за рубежом, и у нас. Причем у нас особенно цепко держатся, ну никак не могут расстаться с этими, по сути своей расистскими, измышлениями о неполноценности славянских народов. Кто? Да все одни и те же лица, одна сплоченная группа прогрессистов, с мольбой и надеждой взирающих на Запад, который, по их мнению, «вновь должен вытащить нас из болота отсталости! Эдакие неонорманисты с неоколониалистическими вожделениями.

Надо открыто и честно заявить, что никаких «норманнов» в русской истории не было. Последние две тысячи лет между славянами и германцами было состояние беспрерывной конфронтации. Ни о каком призыве варягов германского, скандинавского происхождения не могло быть и речи. Перетолковывать летописи, выискивать в них нечто, не существующее в природе, — недопустимо. Тем более спекулировать на измышлениях, подводя фальшивый базис под шатающуюся от нежизненности надстройку. В истории России лишь однажды ставили вопрос о приглашении на престол претендента со стороны. Им был королевич Владислав, живший в Польше и являвшийся прямым родственником царствовавших династов, потомков Рюрика. Происходило это в необычайно критической ситуации, когда оборвалась царская ветвь и после не-

продолжительного царствования Бориса Годунова наступило Смутное время — гражданская война небывалых масштабов и интервенция. Непременным условием ставилось принятие православной веры королевичем и соблюдение всех без исключения русских обычаев, устоев. Владислав должен был управлять страной по древнему установлению — совместно с Боярской думой и Святым собором. Но даже на этих условиях, в труднейший период государства Российского «варяг», выражаясь современным языком, не набрал нужного числа голосов — претендент был отклонен. Царя избрал Земский собор, представители всех сословий, всей земли Русской. Избирали из своих.

Что же касается более древней истории, а именно — IX века, когда князем в Новгороде стал Рюрик, то для современной науки большого секрета во всем случившемся уже давно нет. Мы просто по привычке, по навязанному нам методом силового давления «учению» пережевываем старые басни — дескать, несмышленые словени новгородские по простоте своей и неспособности порядок навести пригласили чужестранцев управлять собою. Более нелепую и ничего общего с реальностью не имеющую ситуацию трудно представить. Странно, что пока еще никто не додумался до того, что «несмышленые русские» пригласили в 1240-х годах на царствование к себе «варяга» Батыя с командой. Но, надо полагать, что, если историей у нас будут заправлять люди с «избирательной памятью», дойдет и до этого.

Антропологами установлено совершенно точно, что ранние средневековые новгородцы, костромичи, ярославцы, то есть славяне, обитавшие в северных областях Руси, обладали антропологическими характеристиками, свойственными и славянам, жившим по Одеру и Висле. Родственность же словен новгородских и полабских, рюгенских славян-варягов не подвергается сомнению. Именно родство славян восточных и славян, находившихся на рубежах с германцами, сближало их, несмотря на то, что между ними проживали западные славяне, предки нынешних поляков. И преград не было. Собратьев соединяло море — и словене новгородские, и ободриты, руяне были прирожденными, искусными мореходами. Когда прервался княжеский род в Новгороде, на княжение был, что вполне естественно, приглашен внук последнего князя Гостомысла Рюрик. Приглашен из такого же славянского княжества, соседа по морю. Мать Рюрика, Умила, была дочерью Гостомысла. Обычай выдавать княжен замуж в соседнее, родственное княжество поддерживался на протяжении долгих поколений. Причем стоит отметить интереснейший факт — после некоторого перерыва обычай этот возродился — начиная с Петровской эпохи. Ведь жен российские венценосцы и их родичи великие князья брали из тех мест немецкой земли, где прежде проживали сородичи-славяне. Процесс был взаимным, шел как в одну, так и в другую сторону — и, что характерно, в столь разные, казалось бы, эпохи. Утрачено было понимание корней связи, но сама связь сохранялась. Уместно заметить, что многие немецкие аристократы корнями своими уходили в славянские княжеские династии. Например, герцоги Мекленбургские вели свою родословную от князей ободритов. Да и топонимика тех мест, несмотря на длительное присутствие германского элемента и онемечивание самих полабских и рюгенских славян, носит в подавляющем большинстве случаев славянский характер — это касается названий и городов, и местечек, и рек, и даже лесов, болот и прочих географических примечательностей. Вопрос, разумеется, еще длительное время будет интересовать ученых, но в основном в своих деталях, тонкостях. С большой долей уверенности уже сейчас можно сказать, что картина «призвания» приобретает все более четкие контуры. Мы можем говорить о сложнейшем процессе славянской интеграции, длившемся очень долго и проявлявшемся в самых разнообразных формах.

Что же касается варягов-норманнов, то есть тех, кого принято называть викингами, то и они принимали активное участие в нашей истории. Но несколько в иной роли, чем им приписывалась ранее. Норманнов нанимали как военную силу, их дружины использовались как в борьбе за власть, так и для походов в чужие земли или для обороны своей земли. Но, как правило, их участие носило «кампанейский» характер. На примерах правлений Владимира I и Ярослава мы хорошо знаем, что, как только нужда в наемной дружине отпадала, норманнов тут же переправляли в места иные — или в Византию, или в Болгарию, или же восвояси. Делалось это по той простой причине, что держать постоянно под боком хорошо вооруженное, обученное войско было и опасно, и, самое главное, очень накладно — норманны, по договору, брали крупные вознаграждения: во время войн таковыми становилась добыча, в мирное же время опустошалась казна. О подробностях можно узнать в скандинавских сагах, где в деталях описывается, кто, за что, на какой срок нанимался «на военную службу» и какие при том совершал подвиги. При всей своей воинственности, и это надо отметить, варяги-скандинавы отличались скаредностью, были, мягко говоря, людьми очень расчетливыми. Отдельных норманнов можно было встретить в рядах вельможной знати разных уровней среди славян всех племен, представителей чуди, черных клобуков, берендеев. Русь была многонациональная и тысячу лет назад. Но на престоле российском выискивать викингов — занятие пустое и бесполезное, их там не было. Великие и просто князья, правда, брали за себя скандинавок, но князья женились и на половчанках, и на «чехинях», и на «болгарынях». То есть здесь уже иная стать, иной разговор. Ни о каком виде «германского культуртрегерства» в начальные века нашей истории речи быть не может.

Но кого-то не устраивает истинное положение дел, и он предпочитает жить категориями более чем

двухсотлетней давности. Во многом виноваты тут не только люди, навязывающие нам «избирательную память», но и мы сами. Сколько лет идут споры и разговоры о школьной реформе, а положение дел с изучением самого главного, делающего человека не наездником, не «архаровцем», по выражению В. Распутина, а хозяином своей земли, своей судьбы, изменяется лишь в худшую сторону. Со школьной скамьи мы приучены к мысли (об этом писал Ю. Селезнев), что человек русский неведомо откуда появился тысячу лет назад и с тех пор только и делал, что в пруду с камышиной сидел, лаптем щи хлебал да шишкой еловой чесал голову, пока «просвещенная Европа» обучала и пестовала его, ленивого и глупого, не щадя сил своих. И настолько все это вбито в мозги наши, что бежим от фактов — ни видеть их, ни слышать, ни замечать не хотим — привычней по-старинке, так, как заезжие вральманы Митрофанушек учили. А что? С таких вот позиций очень несложно выступать в роли этакого культуртрегера, что и пытается делать П. Карп. Чего стоят только его слова о дохристианской культуре нашего народа, «никаких свидетельств которой нет и в помине»?! Имеет ли право человек, незнакомый с трудами академика Б. А. Рыбакова о язычестве древних славян и Древней Руси, с исключительно интересными работами доктора исторических наук А. Кузьмина и других, рассуждать о культуре и бескультурье? Да, христианство стимулировало развитие русской культуры, это бесспорный факт. Но за тысячелетием христианства — и это ни в коем случае нельзя забывать — лежат тысячелетия язычества: оттуда и сказки, и былины, и обычаи, и обрядовые песни, и сами обряды, и такая глубина памяти, рядом с которой даже события «Влесовой книги» меркнут — читайте Б. А. Рыбакова, его книги в последние годы изданы большими тиражами, при желании в книгообменах всегда можно выменять (может быть, когда-нибудь и на прилавках появят-

ся; а ведь не детективы, не фантастика, научная литература!).

Слишком долгое время у нас пренебрежительно относились к русскому язычеству. Причина? Элементарное незнание предмета, и ничто иное. Вспомним Д. С. Лихачева: «Язычество не отрицательная величина. Оно представляет собой определенную культурную ценность, которая с принятием христианства не обесценивается, а поднимается на высоту иного миропонимания». Поднимается! Но не отвергается, не забывается, не исчезает. Нет доказательств?! А то, что русская литература — одна из самых древних в Европе, разве это не доказательство? «Она древнее, чем литература французская, английская, немецкая», — писал Д. С. Лихачев. На пустом месте литература не возникала — немцы, французы, англичане писали на чужой им латыни в то время, когда у нас уже существовал свой полноценный, богатый письменный язык. «Страна была грамотная. Очень грамотная», — так сказал Дмитрий Сергеевич. О том же вполне объективно говорят и находки последних десятилетий. Или, может быть, открестимся от существующего? Ведь как-то привычнее говорить о нашей дикости и серости, о «воинствующем бескультурье» нашем? И кому-то такие разговоры ох как нравятся! Верно выразился П. Карп: «Сегодняшние споры не на одной эстетике замешены».

Ну и какие же выводы? По П. Карпу, злонамеренный Ю. Сергеев выискивает свидетельства русской дохристианской культуры «затем, конечно, чтобы принизить культуру, возникшую с принятием христианства, с приобщением русского народа к сообществу европейских народов». Вот как! Причем все это проделывается с одной коварной целью — стерилизовать великие достижения национальной культуры, нанести ей прямой урон, точь-в-точь, как «это делали» в свое время борцы против так называемого «космополитизма». Что же это за изверг такой? Да как у него только рука поднимается? — воскликнет доверчивый читатель и тут же запишет Ю. Сергеева и его единомышленников в когорту неких злобных вандалов и преследователей всего умного и доброго. Но именно на это и рассчитан был весь пафос П. Карпа, все «обличения» его. Ведь сам-то Ю. Сергеев ничего худого о христианстве и «приобщении к европейской культуре» не говорил. Откуда же такие громы и молнии?! Или любые методы хороши? И потом, разве наличие высокоразвитой языческой культуры — а это неоспоримый факт, а вовсе не «гипотеза» — принижает культуру, пришедшую с христианством? Да ни в коей мере! Тем более, что говорить о смене культур на Руси — самое что ни на есть бескультурье. Ведь именно органичный симбиоз язычества и христианства в его русской форме и породил величайшую русскую культуру.

Да, христианство объединило европейские народы, причем, оговоримся сразу, русский не в последнюю очередь. Но значит ли это, что до крещения русский народ прозябал в одиночестве, неведомый и неведающий? По П. Карпу, выходит так. А академик Д. С. Лихачев считает, что «Русь никогда не была отгорожена от других стран». Никогда! Археологами засвидетельствовано взаимопроникновение европейских народов на всех стадиях их существования, лингвисты говорят о том же: мы уже знаем — значительная часть топонимов на территории Германии имеет славянское происхождение. Читая древних историков, мы также должны постоянно помнить о том, что они многое обобщали. Северные «варвары» делились у них в основном на скифов и германцев. И мы порой обобщаем — «азиаты», «африканцы», за примером бегать далеко не надо. Но стоит ли понимать древних прямо? Нет, ни в коем случае, это будет профанацией исторической науки. Со скифами подробно разобрался Б. А. Рыбаков, отделив ираноязычные племена от скифов-славян, предков русского народа, — читайте его «Геродотову Скифию». Что же касает-

ся «германцев», то даже такой сравнительно поздний историк, как Лев Диакон, наконец-то, впервые в советское время изданный, называет германским племенем, кого бы вы думали, — древлян! По-моему, комментарии излишни.

Именно сейчас, когда в нашем распоряжении имеется небывалый исторический, археологический, лингвистический, антропологический материал — и время говорить о «дохристианской» культуре и истории русского народа.

Даже рассматривая очаги европейской культуры, в частности, Средиземноморье, мы не можем утверждать, что, скажем, греческая античная цивилизация была плодом лишь замкнутого развития греческого этноса. Нет! Это была кузница культуры, в которой на основе древнегреческого языка из разнородных, привнесенных частей создавалось, выковывалось нечто единое, органически целое, то, что мы видим с высоты столетий. Возьмем мифологию. Подавляющее большинство «жителей Олимпа» имеет негреческое происхождение, они пришли из Малой Азии, с севера, кто откуда. Казалось бы, какое это имеет отношение к русскому народу, к его культуре? Имеет! Академик Б. А. Рыбаков доказал, что истоки культов «греческих» богинь Лето и Артемиды — на севере. Прообразами южанок послужили праславянские богини Лада и Леля. А праславяне, как известно, прямые предки наши. Позднее греческая античная культура оказала огромное влияние и на нас. Вот оно — подлинное взаимодействие культур, взаимообогащающее, обоюдное. Разве в этом есть хоть след «шовинизма»? Нет и не было, это жизнь! Примеров множество, простор для исследований необыкновенный! Так почему же П. Карп, «демократ и сторонник гласности», выступает в качестве запретителя, одергивает тех, кому родная история небезынтересна?

Он сам и ему подобные без устали твердят об участии в формировании русской культуры «обрусевших жителей бывшей Российской империи». Но ведь с ним никто не спорит. Разумеется, участвовали в этом процессе очень многие народы — земля Русская всегда была многонациональна. Но как в свое время грекам, русскому народу, русскому языку выпала нелегкая и почетная доля быть стержнем, вокруг которого складывалась общая культура, — так распорядилась история, жизнь. О чем же спор? Давайте вспомним Византийскую империю, также один из очагов цивилизации. И она была многонациональной, заселенной более чем на треть активно участвовавшими в политической жизни страны славянами. А основа, язык были греческими. Вельможи, полководцы, ученые — каких национальностей только не было среди них. Скажем, император Иоанн Цимисхий, воевавший с нашим князем Святославом два года, кто он такой? Армянин по национальности, военный по призванию. Так что же, Византия из-за всего этого перестала быть Византией? Нет, конечно. А ближе к нам, Франция, французская культура? Она разве однородная, чисто французская? Вспомним, на протяжении более чем двух столетий там оседали сотни, тысячи русских людей огромного творческого потенциала. Их вклад неоспорим! Равно и у нас, в России. Ю. Селезнев необыкновенно точно подметил интереснейший факт: «Среди декабристов, отличавшихся наибольшей ревностью к идее «Святой Руси» и непримиримостью к «немцам», было как раз немало «немцев», то есть не русских по своему происхождению». Вдумайтесь в эти слова. Как точно! И похоже, живи П. Карп в те времена, он бы и этих «нерусских» декабристов записал бы в «шовинисты» и «националисты». Именно к этому приводит нежелание понять иную точку зрения. Проще ярлыком да прямо по голове!

Мне никогда не доводилось читать высокомерных, неприязненных высказываний С. Алексеева и Ю. Сергеева о других народах, нациях, народностях, населяющих нашу ли страну, остальной ли мир. Ни словом, ни намеком не запятнали они себя.

П. Карп обвиняет их в «проповеди национальной исключительности». О чем идет речь, если такой «проповеди» на деле-то нет?! Разве любовь к Родине, желание знать ее историю — это национализм?

Странно, но происходит некоторая искусственная подмена понятий. И под видом борьбы с «национализмом» и «шовинизмом» идет борьба с подлинным патриотизмом в лучших его проявлениях. Не иезуитство ли это, когда С. Алексеев говорит о своем однозначном отношении к Отечеству, то есть о любви и уважении к нему, а П. Карп подсовывает читателю Аракчеева и Николая I, дескать, вот вам кого предлагают любить?! Как все запросто ставится с ног на голову. Но зачем?

Обязательная, непременнейшая для подобных статей ссылка на «борьбу» с космополитизмом. Что это, желание напугать кого-то возможным повторением? Все явно надумано. И П. Карп, что бы он ни писал, отлично осознает — не те времена, не будет гонений! Тогда к чему пугать? Зачем распалять чье-то болезненное воображение? Одно все-таки нужно сказать: страшно, если этот пресловутый и незакавыченный вовсе космополитизм превращается в знамя, которым начинают все усерднее размахивать. Ведь как ни крути, а космополитизм явление негативное. И это понятно любому человеку, неравнодушному к судьбе родины, будь то у нас или в любой другой стране. И бороться надо с самим явлением, как выражался Ф. М. Достоевский — «оздоровлять корни» надо: и экономические, и духовные.

Доныне замалчивается целое направление отечественной мысли, лишена голоса даже спустя многие десятилетия элита русской интеллигенции — славянофилы. И не они одни.

Конечно, плохо, что Пастернака в свое время осуждали и клеймили, не читая его романа. Но чем мы сами лучше сегодня?! Хихикаем над «Тилемахидой» В. К. Тредиаковского, никогда не читавши ее, зная лишь по набору анекдотов, кочующих из издания в издание, да по эпиграфу из Радищева: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй...» Читатель найдется не только на «Реквием» Ахматовой, но и на труды А. Шишкова, преданного осмеянию и забвению лишь потому, что не разделял он взглядов либералов-космополитов, живших на Западе на средства, получаемые от русских крепостных. А вот сам-то А. Шишков — «славенофил» и «мракобес», «ретроград» и «душитель» — делом показывал, кто чего стоит, он жил своим трудом, не беря с зависимых крестьян ни гроша. Читатель есть у «Доктора Живаго» Пастернака, но он будет и у «Философии общего дела» Федорова.

На личности А. С. Шишкова, я думаю, нам стоит задержаться особо, потому хотя бы, что с его именем ныне проделываются недопустимые, кощунственные «опыты», которым не может быть места в цивилизованном обществе. И совсем уж непонятно, когда они тиражируются сотнями тысяч экземпляров. Впрочем, знаком нам такой подход к русской истории и ее героям, мы о нем говорили выше.

Правда должна быть правдой — суровой, неприглядной, даже страшной, все равно люди ее должны знать. Но есть правда, и есть дешевое, рассчитанное на обывательский интерес «разоблачительство». А еще есть неправда. Неправда со всеми ее грязными оттенками. Есть закон, по которому ничто живое не может жить в отравленной среде, в загаженной «экологической нише». И чем же занимаются у нас некоторые? Отравляют, уничтожают исторический плодоносный слой, ту почву, что накапливалась, создавалась веками, тысячелетиями, как веками и тысячелетиями накапливается на глине или песке чернозем. Этот чернозем можно уничтожить одним выворотом плуга. В чьих руках плуг?

Речь пойдет о романе А. Борщаговского «Восстань из тьмы», напечатанном журналом «Октябрь» в 1987 году, а затем выпущенном в свет отдель-

ной книгой тиражом в 200 тысяч экземпляров. Давать полный разбор романа не могу, да и не хочу — в стране трудности с бумагой. Вкратце скажу лишь, что ужасы из жизни простого русского человека, живописуемые Борщаговским, не снились на Хичкоку, ни его последователям. Это нечто из времен Калигулы — фантазия автора сладострастна до садизма и безгранична.

Мы же рассмотрим некий жуткий, потусторонний какой-то образ, созданный Борщаговским и наделенный им историческим именем адмирала А. С. Шишкова. Того самого, беззастенчиво осмеянного слабо владевшими русским языком российскими «западниками».

Кто такой А. С. Шишков у Борщаговского? Сейчас увидим! Обращаю внимание, что отсюда до завершения образа, созданного мрачной фантазией автора романа, все закавыченные эпитеты и выражения принадлежат ему, Борщаговскому. Итак, Шишков — «ретроград», который «без промаха бросался на все, что обещало мысль и обновление». И это сказано об исследователе русской и древнерусской литературы, неутомимом труженике, переводчике «Слова о полку Игореве», авторе множества научных трудов, в том числе и морского словаря. Борщаговский трактует по-своему, его герою «не перечь, он одного себя слышит», от чужих стихов «у него разлитие желчи». Чем дальше, тем чернее образ. «Шишков — совершеннейшая древность, обломок прежних царствований, мертвец, задержавшийся, устоявший на ногах». Он «как натасканная гончая чует живое дыхание, всякое движение в болотном тумане». У него «волчья хватка»!

Поневоле представляется, что роман пролежал в столе у автора то ли с двадцатых годов, когда грозились переплавить памятник Минину и Пожарскому и было запрещено преподавание русской истории, то ли с сороковых-пятидесятых, когда Есенин и Достоевский числились в певцах патриархальщины и реакционерах. Очень уж знакомы ухватки, ярлыки. Хотя автор провозгласил себя в «Записках баловня судьбы», опубликованных в журнале «Театр», невинной жертвой времен борьбы с космополитизмом, тем не менее повадки у него совсем не жертвы, скорее наоборот.

Но пойдем дальше... По Борщаговскому, А. С. Шишков — «блудодей», а потому «солгать ему только к чести и достоинству»! В чьи бы уста автор ни вкладывал свои мысли, видно — это его мысли, его слова, его точка зрения. А в устах главного героя, которому Борщаговский явно симпатизирует — это однозначно вытекает из повествования, — такие слова звучат авторским текстом.

И внешнее описание ученого, мыслителя, министра народного просвещения России у Борщаговского свое: А. С. Шишков наделен «сонным профилем», «обвисающими щеками», «мясистым лбом». Пускаются в ход все изобразительные средства, чтобы вызвать у читателя отвращение к персонажу, а соответственно, и его историческому прототипу. Но это еще не все! «Плутовские (!) и в ярости» глаза «подернуты сизоватой дымкой». У А. С. Шишкова «лукавые» (!), «слепнущие зрачки», «вислые уши», «ноздри топырятся, будто жабры у хватающего воздух карпа», а «зев (!) открывается какой-то животный» (!!!). Казалось бы, хватит, читатель и так уже с омерзением смотрит на адмирала-ретрограда, наделенного отвратительными сущностью и внешностью. Но нет! У автора, видно, незаурядное историческое зрение, если он сквозь века и покрой мундира того времени разглядел и тут же доверительно сообщил читателю, что адмирал-то А. С. Шишков — «вислозадый»!

Ведет себя персонаж из романа соответственно внешности — он подхалимничает, подличает, трясется и раздувается, то трусит, то хамит — в зависимости от того, с кем общается. Наборы поведений все из тех же сороковых, привычные автору. Но мало Борщаговскому, мало! Палитра его не

тускнеет, появляется нечто сатанинское, потустороннее: «Из мутных глаз Шишкова рвалась наружу нечистая страсть (!), ненавидящая (!!) сила». Каково?! А чтобы добить окончательно жертву, дан и диагноз окончательный: А. С. Шишков — «мертвяк, зачем-то отпущенный из могилы»!!! Ну и, естественно, «вчерашний человек», противник «безбожья, вольномыслия, смрадного плебейского духа...». Завершена и политическая характеристика. Осталось лишь привести приговор в исполнение!

Но хватит! И так нарисовано некое немыслимое чудовище, ничего общего не имеющее со своим историческим прототипом. Мы знаем множество певцов «безбожья и вольномыслия», которые припеваючи жили за счет гнувших на них спины крестьян. О принципах А. С. Шишкова на этот счет говорилось выше, он не брал ни копейки с крепостных, в то время когда самые пламенные «революционные демократы», беспрерывно кричавшие на весь мир о тяготах русских крестьян, вовсю раскатывали по водам, курортам да слали гонцов в Россию за деньгами к смотрителям своих усадеб. Не по словесам и «р-р-революционным» лозунгам будут судиться люди в конечном итоге, а лишь по делам своим!

Да, А. С. Шишков выступал в защиту устоев, был ревнителем старины, русского языка, не признавал многих нововведений. И по большей части бывал прав — жизнь подтверждала, что пустое попугайничанье, ничем не подкрепленное, кроме стремления, чтоб все было как в «европах», так и оставалось попугайничеством и отмирало вместе с носителями своими и приходом очередной мимолетной моды. Он был против безумного и безудержного заимствования всего подряд у Запада, хотя бы потому, что знал жизнь, адмиралом не от рожденья стал. «Западники» называли его и ретроградом, и консерватором. Но, пожалуй, наиболее точный и объективный ответ на вопрос, кто ретроград, а кто демократ, кто «мертвяк и блудодей», а кто подвижник и труженик, дали бы сами крестьяне, закрепленные за А. С. Шишковым. Осуществись «соединение времен», как то бывает в иных романах, я думаю, Борщаговскому крепко бы не поздоровилось, доведись ему встретиться с обитателями шишковских поместий.

А. С. Шишков был образованнейшим человеком своего времени, владел несколькими языками. И должность министра народного просвещения не по протекции занимал. Да, видно, для Борщаговского любой русский человек, занимавший пост в правительстве или в ведомстве каком, просто царский сатрап, душитель и мракобес. А вот «западник» П. А. Вяземский писал: «Шишков у нас все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов... но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилялись, и теперь многие восхищаются их красноречием. Следовательно, они были кстати...»

Учеником А. С. Шишкова считал себя А. Грибоедов. Аксаков, Гоголь, Пушкин, Карамзин, не в пример Борщаговскому, ценили заслуги А. С. Шишкова. В. Кюхельбекер, сидя в тюрьме, записал в дневник: «Я вот уж 12 лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова». И под этими словами могли подписаться десятки русских писателей, деятелей культуры того времени да и более поздних времен, вплоть до наших.

Так во имя чего же понадобилось очернять образ А. С. Шишкова?! Лишь потому, что он не вписывался в рамки «революционного демократа», по Борщаговскому? Так в них не вписывались и тысячи других, пощаженных автором романа «Восстань из тьмы». Мешают кому-то славянофилы, даже через сто с лишним лет мешают! И это несмотря на то, что в жизни оказывались они революционней «демократов», смелее, честнее в поступках и помыслах, несмотря на преследования властей. Кому-то выгодно обелить одних и очернить

других, принизить их роль, свести на нет. А как же быть с диалектическим единством и борьбой противоположностей, теми самыми, что движут прогрессом?! Ведь в нашей истории в качестве ее движущей силы был не только Герцен, был и Шишков. Не один Чаадаев любил Россию «с открытыми глазами», но и высокопросвещенные, знающие до тонкости Европу братья Киреевские, Хомяков. Да и Герцен, в молодости нетерпимо относившийся к славянофилам, в зрелом возрасте, когда пришло время подводить итоги, пересмотрел свои взгляды, признал, что все они делали одно общее дело и в «груди их билось одно сердце», что неизвестно, кто более преуспел, но, пожалуй, не «западники». А. С. Шишков стоял у истоков славянофильства. Бросающий тень на него очерняет все это прогрессивное движение, саму суть и основу его, вычеркивает из нашей истории сотни выдающихся, великих сынов России.

Оскорбляя и унижая мать, человек не достигнет благополучия в семье. Оскорбляя и унижая Родину и ее историческое прошлое, народ не сможет построить гармонического общества, не сможет улучшить своего положения, напротив — погрязнет в усобицах, доведет страну до разрухи.

А тем, кто подобострастно ожидает аплодисментов из-за рубежа, следует напомнить строки Ф. И. Тютчева:

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Ю. Бондарев, В. Белов и В. Распутин в статье, опубликованной в «Правде» от 9 февраля 1987 года, пишут о «неистовой пропаганде псевдоромантики». Разве в их словах есть что-то предвзятое? Послушайте: «Французские королевы, графини и британские разбойники, детективы, бандиты и проститутки — кого только нет среди киногероев!» А их

литературные двойники! Если давать без числа и счету похождения «воздушных» графинь и герцогинь, маркизов и баронетов, то почему бы одновременно с этим не печатать правдивых, документальных произведений о западной истории? Кто прячет от нас правду о Западе и подставляет для любования блестящий лакированный западный фасад? Ах, утонченность! ах, манеры! ах, культура! И позабыли, что парики белоснежные, в пудре, были изобретены для того, чтоб скрыть немытые, сальные волосы. Что в руках «воздушные маркизы ангелов» держали не только табакерки (табак они жевали и нюхали постоянно — хороши ангелы!), но и таких же размеров блохоловки. И особой утонченностью считалось поймать во время светской беседы блоху на стоящем перед тобой и посадить в свою коробочку. А почему бы не писать и об этом?! Когда дело касается нашей российской истории, мы не жалеем самых черных красок, щедро мажем все дегтем, но... там, у них, все воздушно и прекрасно, все рафинированно и благородно, а свобода и просвещение таковы, что будто бы и не было у них ни религиозных войн, ни инквизиций, ни страшнейших, вызванных чудовищной грязью и отсутствием элементарной гигиены эпидемий, каких Россия отродясь не знала. А ведь все это факты. Стыдливо спрятанные по специальным изданиям, «не подлежащие огласке» — а как же, еще обидятся! А вот своих не жаль обидеть — и строчатся одна за другой побасенки, в которых мерзость, оскудение, тлен, злоба и подлость — и все про нас, про нашу историю. Если безграмотность — так ужаснейшая и полнейшая! И будто забыли, что когда среди рыцарей-крестоносцев грамотными и не пахло, в Новгороде на бересте писали и дети, и холопы-закупы, и женщины, и мужчины, что хранится во Франции документ брачный XI века, на котором одна только русская княжна Анна расписалась честь по чести, а король французский и ближайшие аристократы удосужились по простоте

4 — 9853

и необученности лишь крестики поставить. А вспомним поездку Петра I в Париж, вспомним записки его спутников, зажимавших платками носы, когда они входили в Версаль, по той простой причине, что канализации в королевской резиденции не имелось и все во дворце и парке было завалено нечистотами. Но хватит.

Был у нас Чаадаев, который сказал слово о России — мы его уважаем. И помним, какую реакцию вызвали его «философические письма». Но нет и не было у нас такого Чаадаева, который сказал бы подобное слово, пусть в сто крат мягче, о Западе.

Вопрос об исторической правде — очень сложный вопрос. И он не исчерпывается реабилитацией жертв сталинского режима. Да, Пастернак талантливый поэт, да, он пострадал к тому же, хотя, прямо скажем, его судьба не была горчайшей. Но значит ли все это, что теперь Пастернак, его творческое наследие должны объявляться догматической ценностью и затмевать собою все и всех? Поклонники «серебряного» века поэзии не заметили, как увлеклись и уже сами готовы запрещать все вокруг, объявлять неугодных врагами, расправляться с ними любыми методами вплоть до наклеивания политических ярлыков и публикования политических доносов под видом выступлений в печати. Но ведь мир прекрасен своей многоликостью.

Необходим историзм мышления. Необходимо уважение ко всем без исключения народам нашей страны, в том числе и к русскому.

1988—90 г.

Послесловие из 2004 г. О-о, лицемеры! Русоненавистники! Несть им числа и счету! Бесы вырвались из бутылки, разгромили Россию, переписали Русскую историю. Но мы уже обучены, как поганых бесов изгонять. Будет им!

«Деды-людоеды» и баламуты-стращатели

Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя, иногда даже он несправедлив к самому себе...

Ф. М. Достоевский

Давно порывался внести свою лепту в рассуждения о нашей армии. Поведать есть о чем. Сам из семьи кадрового офицера. Тянул солдатскую лямку, как и большинство парней наших, без слез и нытья, вполне осознанно, несмотря на так называемый «несознательный» возраст. Позже бывал на переподготовках, на учениях, в частях, притом не только в Союзе, но и на рубежах самых, там, где нос к носу стоят с «пацифистами» из НАТО. Да и писать приходилось о солдатах — как не писать о том, что твое: две повести и куча рассказов вышли из-под пера, почти половина написанного опубликована. И все же вступать в споры не решался. Всегда вовремя останавливал себя; сгоряча можно такое выдать, что неслужившему представится все это мрачнее ночи, и пойдет гулять по свету очередная сплетня о «кошмарной и лютой дедовщине», навевая страхи на новобранцев и их родительниц, сея панику в рядах бравых допризывников. У страха глаза велики!

А ведь для того, чтобы разобраться в сути проблемы, нужно мало — не забывать, что любое явление нашей жизни существует как бы в двух ипостасях: само по себе, объективно, и в субъективном своем варианте, в нашем восприятии. Причем восприятие это далеко не однозначно у различных групп людей.

Достаточно четко выделяются три группы. Первая — профессиональные военные, офицеры. Как принято говорить — армия их дом. И вполне естественно, что они без удовольствия воспринимают тот факт, что в этом доме начинают «хозяйничать», так сказать, «расставлять все по своим местам, люди, весьма и весьма далекие от армии, очень смутно представляющие законы ее существования. И во многом с профессионалами надо согласиться — оценки положения в армии, которые делаются со стороны, подчас поверхностны и наивны. Особенно неприятно военным, когда «разоблачения» исходят от человека, познавшего, пускай и в качестве простого солдата, армию, человека, вкусившего и горького и сладкого за пару лет службы. Но, видимо, профессионалам военным придется смириться с тем, что в их «дом» проникают «посторонние», ведь «дом-то» с открытыми дверями, и через них каждые два года проходят миллионы наших парней. Так что этот армейский дом в некоторой степени и наш общий.

Во вторую группу как раз и входят те, кто отслужил, кто сам на себе испытал, чего там скрывать, тяготы службы, кого не напугаешь побасенками и сплетнями. Правда, вместе с тем именно они, отслужившие, и являются распространителями устного солдатского творчества, основанного на фактах, но обильно приукрашенного собственной фантазией. И если бы неслужившие внимательнее прислушались к их рассказам, то заметили бы, что все страсти передаются без какого-либо осуждения со стороны очевидцев и участников, а наоборот даже, с некоторой долей восторженности, эх, дескать, вот времена были, вот «деды», не то, что нынешнее племя! И сколько в этом желании и подспудного и явного — показать себя эдаким бывалым человеком, познавшим жизнь, прошедшим через огни и воды. И разве это не простительно для двадцатилетнего парня — немного приукрасить свой рассказ? Тем более, что ему и впрямь пришлось «хлебнуть» в армии — по сравнению с домашним полудетским существованием. Многие очень заблуждаются, принимая армию за продолжение детского сада и пионерского лагеря.

Вот эти-то «многие» и составляют третью группу людей. Ту самую, в которой судят о «неуставных отношениях» лишь по слухам и публикациям в прессе. При всем уважении к ним, при всем понимании их забот, нисколько не желая их обидеть, скажу все-таки — именно они больше всех напуганы «дедовщиной» и «стариковщиной», именно в их рядах можно заметить округленные от ужаса глаза и встающие дыбом волосы. Именно к ним я обращаю свое слово с надеждой развеять поселившиеся в их головах тревоги.

Армия непроста, взаимоотношения армейские неоднозначны — при практическом отсутствии информации очень трудно вникнуть в их суть. Для этого надо быть не посторонним зрителем, а самому пройти армейскую школу. Ничего обидного в таком заключении нет, ведь не обижаются же, скажем, журналисты, когда им говорят, что они далеко не все понимают в термоядерном синтезе, а математики не скрывают своих пробелов в языкознании и искусстве кройки и шитья. Но так уж сложилось, что о литературе, живописи, балете и... об армии рассуждают все, считая, что могут давать вполне объективные оценки, искренне считая. И зачастую, преувеличивая кое-что именно по незнанию, делают ужасные выводы. Дело осложняется тем, что все происходит «за забором», ограниченность информации порождает фантастические картины.

Но есть люди, делающие имя на «сенсациях» и

«разоблачительствах», не останавливающиеся ни перед чем. Кто бы, скажем, слыхал у нас о бойком сотруднике газеты «Московский комсомолец» М. Пастернаке, если бы тот не надел на себя маску стращателя матерей, у которых дети или служат, или готовятся к службе? Каких только ужасов не наговорил М. Пастернак на страницах прессы об армии, в которой он сам, кстати, не служил! Вот бы о чем еще задуматься. С недавних пор появилось у нас множество старателей, усердно разрабатывающих какую-либо жилу: один живописует во всей красе «роскошную» жизнь проституток, копая очень глубоко, но не задумываясь о создаваемой им рекламе и ее последствиях, другой — весь в «мафии», но его в основном почему-то увлекает пересчитывание ценностей, смакование достатка, так и видится, как у автора слюнки текут, третий своим болезненным воображением создает всесоюзный паноптикум, населенный чудовищными монстрами-«дедами», сплошь и рядом забивающими невинных младенцев-первогодков, попавших прямо из-под теплого материнского подола в страшный мир каких-то иродов, невесть откуда расплодившихся именно в армейских условиях истязателей-старослужащих. Слухи порождают лавину домыслов. И вот получается так: человек, не ступавший ногой по «терра инкогнита», коей является для него армия, уподобляясь «путешественникам» древности, населявшим неведомые земли «людьми с песьими головами» и «одноногими людоедами», запускает в наше общество слух за слухом, байку за байкой, а растревоженные мамаши, так же об армии имеющие самое отдаленное понятие, но для которых любой слух об «издевательствах» над их сыновьями — нож острый, принимают все за чистую монету, пугаются не на шутку, засыпают инстанции письмами с категорическими требованиями немедленно «пресечь», «применить к изуверам самые строгие меры, вплоть до...». К их голосам тут же присоединяются остальные женщины, допризывники, студенты, академики и кинорежиссеры типа Э. Рязанова — короче говоря, опять-таки неслужившие...

Исключение из этой категории составляет, пожалуй, один лишь Ю. Поляков, «открывший» тему «дедовщины» в нашей беллетристике своей изрядно нашумевшей повестью «Сто дней до приказа». Он служил в армии. Но следует оговориться, служил при армейской типографии, то есть был в довольно-таки привилегированном положении — кто служил, тот подтвердит, что «хлеборезки», «каптерки», «типографии» и прочее армейское подсобное хозяйство это еще далеко не сама армия. Как известно, где есть привилегии, там процветают и злоупотребления всех видов. Вот Ю. Поляков и описал нам один из таких «злачных уголков» армии. Да при этом собрал то, что укладывалось во все два года службы в очень короткое повествовательное время. Для чего? Ответ прост и понятен — для того, чтобы шокировать читателя, в первую очередь мамаш. Многое он изобразил похожим. И оттого, что изображалось такое впервые, было в диковинку, на приманку клюнули даже некоторые служившие в армии, стали присылать в редакции газет и журналов письма, заверять всех в том, что все верно, что именно так и было! Наверняка потом этим ребятам было стыдно за свои восторженные откровения — ведь не все служили на тепленьких местах, большинству приходилось потеть в строевых частях. А в них обстановка была весьма далека от описанной Ю. Поляковым. В этих частях «дедам» приходилось не столько «красиво жить» за счет «салаг», сколько таскать их на себе в самом прямом смысле на бесконечных занятиях, учебах, в марш-бросках. И не только самих «салаг», но и всю их «выкладку». И если молодой воин и подшивал к «стариковской» гимнастерке подворотничок пару раз за службу, так в обстановке, приближенной к боевой, когда счет идет на секунды и некогда выяснять отношения, «старик»

пыхтел, потел, изнемогал, но делал и свое «дело», и за молодого солдата «полдела», не считаясь ни с чем, думая лишь о выполнении подразделением задачи. Но вот об этом у Ю. Полякова ни слова. И естественно, в «типографиях» свои отношения. Я не хочу умалить труда любых воинских подразделений. Но все-таки хотелось бы напомнить, что распространять свои частные ощущения на всю армию, наверное, неправильно.

Ю. Поляков в своих частых встречах с читателем и зрителем подчеркивает постоянно, что такой, дескать, у него «ироничный взгляд на жизнь», такая манера. С присущей ему «иронией» он делает подобное, например, заключение: «Существуют горы воениздатовской литературы, изображающей сегодняшнюю армейскую жизнь так, как она видится задремавшему в дачном гамаке штабному генералу». Пожалуй, тут не иронии больше, а самомнения, самолюбования. «Горы» и на самом деле существуют, бесспорно. Но позвольте усомниться в том, что «штабной генерал» знает армейскую жизнь, да и жизнь вообще, хуже, чем, скажем, «типографский солдат», ведь все-таки, как бы мы ни любили «штабных», а ведь генералом человек не с пеленок становится, для этого надо ох как хлебнуть армейской жизни! И потому, на мой взгляд, ирония не всегда уместна. Возвращаясь к «горам военидатовской литературы» сверхположительного характера, надо обратить внимание на то, что Ю. Поляков шарахнулся со своей повестью в крайне противоположную сторону. И по его почину начинают уже расти «горы» сверхотрицательной «литературы» об армии. А вопрос остается открытым, потому как просто хорошей, так сказать, литературы трезвого взгляда на армию по-прежнему нет. Шарахаемся из стороны в сторону!

Впрочем, Ю. Поляков вполне осознанно делал свое дело. Ему, автору, которому грех жаловаться на «гонимость», на то, что его мало печатали и печатают, понадобилось вдруг создавать своей повести всесоюзную рекламу, используя и прессу и телевидение, причем не просто рекламу остросюжетного произведения, этого показалось мало, захотелось придать ей видимость этакого «запрещенного» творения и на голову свою водрузить венец мученика за правду. Зачем? И почему вдруг это желание получило столь мощную поддержку со стороны всей нашей «прогрессистско-прорабской прессы? Ответ здесь прост, читатель и сам смекнет. Дело вовсе не в художественных достоинствах повести и не в особом таланте автора, все проще — прогрессистам необходимо было пробить брешь в той стене, которая им была не по зубам, к которой их близко не подпускали (по той хотя бы причине, что им самим армию доводилось видеть лишь в кино и по телевизору). И тут появился солдат-писатель со своевременным творением. Его подхватили, вознесли, раскачали всеми «прогрессистско-прорабскими» силами — и как тараном им пробили столь нужную брешь. И тут же в эту дыру ринулись все, кому не лень: и режиссеры, и академики, и нынешние носители фамилии известного поэта.

К слову заметить, что и «ляпов» в повести — считать не пересчитать. На первой странице же Ю. Поляков «стрижет наголо» «старика Зуба»! Да какой же «старик» добровольно расстанется со своей «стариковской» шевелюрой, сравняется с «салагой». Нет, нельзя пренебрегать такими «деталями» — в одном месте «соврал», в другом, в третьем, а к концу, глядишь, и не разберешь — где правда, а где вымысел и ошибки, все в кучу намешано на страх доверчивым.

Но вернемся от «армии литературной» к армии настоящей да приглядимся к ней взглядом житейским, трезвым, без «художественных» изысков.

Сразу следует сказать, что практически все случаи изуверства на почве «стариковщины» не остаются нераскрытыми — армия это не гражданка, где можно скрыть и скрыться, там все на виду, все друг друга знают — как в деревне. Это надо очень

четко себе представлять. И отношение к какому-либо изуверству может быть, разумеется, только одно — отрицательное.

Что же касается «неуставных отношений», так пора бы и ясность внести. Все вдруг исполчились на армейских «стариков», забыв про «неуставные отношения» в школах, ПТУ, пионерских лагерях, во дворах наших и подворотнях, в конце концов, среди тех же самых разношерстных неформалов. А то мало ребятня награждает друг друга тычками и пинками, щелбанами и подзатыльниками?! А то нет у них вожаков и «мальчиков для битья» — со всеми промежуточными формами?! Кто не прошел через дворовые и прочие неформальные школы детства и юности, пусть первым бросит камень в армейского «старика». Или, может быть, нам кажется, что в наших рабочих коллективах — будь то лаборатория или бригада, научный сектор или производственный участок — все «по уставу» и нет злоупотреблений по отношению к подчиненным, коллегам?! И здесь тоже «старики» и «салаги» своего рода, сплошь и рядом. Отличие лишь в том, что с возрастом отношения приобретают более обтекаемый характер, не бросаются в глаза и, разумеется, не выливаются за редким исключением в рукоприкладства.

Нам, будто комсомольцам тридцатых, хотелось бы, чтоб все было вокруг предельно ясным, поделенным на черное и белое: вот друг, вот враг! И в данном случае — раз «старик», значит, враг, и с ним надо бороться, изничтожать «стариковство». И мы забываем, что боремся уже не одно десятилетие, уничтожая вековые традиции, не пытаясь даже осмыслить — хорошие они или плохие, полезные или не очень (хотя я не могу себе представить ситуации, в коей существовало бы веками нечто ненужное, неполезное). Мы забываем, что «старик» это не что-то застывшее, что это вчерашний «салага» и что каждый из служивших был не только «салагой», он обязательно и непременно был и

«стариком». И это именно к нему приходили офицеры перед очередной проверкой и просили: помоги, старик, подтяни молодых, позанимайся с ними, не дай в грязь лицом ударить. Ведь, чего там скрывать, почему-то именно «старику» в лучшей степени удается передать опыт новобранцу, а не офицеру-командиру и не сверхсрочнику-прапорщику. Видно, есть в этом нечто, есть какая-то связующая нить.

Как бы мы ни пытались перекроить и перекрасить историю российскую, нам это вряд ли удастся. Можно исказить картину прошедшего и настоящего лишь в головах поколений, но всегда придут новые и восстановят подлинное. Это касается и Русской Армии, которую десятилетиями поливали грязью, дескать, она и «царская», и «жандармская», и такая-сякая. Но ведь именно благодаря ей нам досталась в наследство огромная, могучая держава, не покоренная ни Европой, ни Азией, которые попеременно на протяжении столетий бросали на нас полчища за полчищами, орду за ордой. И было бы глупо и наивно думать, что армия эта держалась на шпицрутенах, на униженных и оскорбленных — да это бы была не армия, а толпа забитых босяков и горемык! Нет, армия держалась на любви к Родине (не к властителю очередному!), на осознанности справедливого дела, на долге перед детьми, стариками, женами и на традициях! Еще в начале самом государства Русского дружина делилась на старшую и младшую. Не по блату и родству, а по опыту и знаниям военным, жизненным. И всегда примером для новобранца был бывалый воин, понюхавший пороху. Вспомните: «Скажи-ка, дядя...» И любое иное отношение было бы противоестественным, ненормальным. Это понимал каждый унтер, каждый офицер, ни одному из них не пришло бы в голову сравнять опытного солдата, прошедшего огни и воды, с только призванным мальчуганом. И это было не чем иным, как самым обычным уважительным отношением к людям, под-

чиненным, это было пониманием жизни. Да, сейчас не служат по десять или двадцать лет. Но любой человек, знающий армию, скажет однозначно — между солдатом второго года службы и тем, что пришел из карантина, — пропасть, гигантская пропасть, которую можно преодолеть лишь за год службы. В этот год впрессовано очень и очень многое. И самое главное — это вовсе не овладение техническими приемами, которое приходит и в иных условиях, скажем, на гражданке на занятиях военной подготовкой в институтах, нет, самое главное — выработка психологии солдата, воина, который четко знает свое место и свою задачу, знает, кому надо подчиняться, к кому следует прислушиваться, на кого можно опереться. В армии сплошь и рядом возникают ситуации, когда совершенно неуместны диспуты и дискуссии, когда надо дело делать — и по возможности быстрее и четче, доверяя товарищам полностью. И самолюбие в таких случаях должно помогать делу, а не стопорить его. Чему же учат допризывников М. Пастернак и ему подобные? А вот чему — качать права, лучше не скажешь! Паренек, растравленный стращателями и пугателями, прибывает в часть весь ощетинившийся, выставив иголки наподобие дикобраза — дескать, не тронь, не имеешь права! И в это «не тронь» упираются с ходу вовсе не «стариковские козни», а самые обычные требования сержантов и офицеров. Пастернаки настолько задуривают парням головы, что те погружаются в дурман, перестают понимать цели и назначение армии, а потому считают унижением и оскорблением личного достоинства, если к ним обращается с требованием выполнения приказа чин ниже генеральского, да и если он к тому же отдает приказ не в письменной форме. Очень часто такие вот «ощетиненные» новобранцы страдают даже друг от друга, напарываясь на собственные же колючки, не желая уступить один другому и до бесконечности выясняя: «А почему меня в наряд, а не Петрова, Сидорова,

Иванова?» И винить такого солдата как-то совестно, потому что понимаешь — его еще на гражданке тщательно подготовили именно в таком духе, ему внушили, что он — «личность, помыкать которой запрещено!». А под «помыкательством» понимай что тебе заблагорассудится, вплоть до ординарного приказа такого же парня-сержанта, прямого командира. И логика тут простая, пастернаковская, дескать, какое у тебя право, чем ты лучше?!

Вот над чем бы задуматься. Да вспомнить еще, что в армию приходят не сплошь ангелочки, над которыми тут же начинают измываться зловредные «деды-садисты» Нет, приходят и такие «неформалы», что только держись! И как ни горько об этом говорить, у командиров-офицеров почти и нет такой власти, чтоб «укротить» иного «салагу», научить его азам дисциплинированности. Ведь почти плачут молоденькие лейтенанты. Сверхсрочники, как правило, самоустраняются, у них свои хозяйственные заботы. Вот и перекладываются многие хлопоты на плечи старослужащих: и тому научи, и этому! Конечно, не обходится и без резкостей — не всегда бывает время читать мораль и выжидать. Зато в марш-бросках, через которые, кто не прошел, тот не поймет, что это такое, «старики» тянут на себе и «выкладку» молодых, и зачастую их самих — это тоже «неуставные отношения», по уставу так не полагается.

Ох, как мы стремимся регламентировать саму жизнь!

Исходя из принципа недопустимости «стариковщины», мы подразумеваем, что все у нас приходят в армию одинаково сознательными, готовыми к выполнению любых приказов и заданий. Чем мы тешим себя в эпоху перестройки и гласности? При всей нашей симпатии к «лестнице» из передачи «12-й этаж», навряд ли бы кому хотелось, чтоб его защищали армия, подобная этой «лестнице». Ведь как у них: «А мы хотим, а мы не хотим, давай о музыке лучше!» Но ведь именно ребята с этой «ле-

стницы» приходят в армию, а не только плакатно-бравые парни из серии «Враг не пройдет!». Желаем мы этого или не желаем, нравится или не нравится это нам, но наша любимая и дорогая армия стоит на старослужащих. Бесспорно, что монолит, костяк Вооруженных Сил — это офицерский корпус, останавливаться и разжевывать эту истину нет необходимости. Но основная опора этого монолита, главные мускулы костяка — сержанты и старослужащие, короче говоря, зрелые солдаты, прошедшие выучку. Первогодки же — при всем равенствс их прав, и это неотъемлемо, — в армии ученики, потому и труден первый год, что раскачиваться некогда, да и не дают, учиться надо! Ведь еще сам А. В. Суворов в своей «Науке побеждать» говорил: «За одного ученого трех неученых дают». Но ведь «ученым»-то надо стать еще, ни один «ученый» пока в армию не приходил, а приходили именно на учебу. И это доподлинно известно самим ребятам: и служившим, и служащим ныне. Это доподлинно известно и офицерам, которые в отличие от демагогов-верхоглядов и просто нечистоплотных людей прекрасно разбираются в обстановке и могут отличить «старика» от бузотера и хулигана. «Стариковство» в его разумной человеческой форме, в виде солдатской мужской традиции, разумеется, без всякого рукоприкладства и унижения достоинства, необходимо ценить, уважать и лелеять! Не дай бог, если «старики» станут равнодушными наблюдателями в армии, уйдут от сложных вопросов, замкнутся в своей раковине.

Родные и близкие волнуются, переживают за призванного на службу сына, брата, мужа, избранника. И все же понимают, что армия — дело мужское. А мужчины должны уметь решать свои дела без нытья и жалоб, без доносительства и плаксивости. Бывают, конечно, и трудности, неприятности. Но и на гражданке далеко не всегда обходится без шероховатостей.

Да, матери не всегда спокойны, отправляя своих сыновей на службу. Но задумаемся, всегда ли они могут чувствовать себя абсолютно спокойно, отправляя сына, скажем, на рыбалку, в командировку или в гости, провожая на гуляние или в отпуск? Можно подумать, что здесь все застрахованы от несчастных случаев и хулиганов, а за каждым маминым сыночком ходит пара телохранителей и оберегает от всех трудностей. Не все еще в нашем обществе научились полностью обходиться без размахивания кулаками и ругани, без выяснения отношений «неформальными» способами. И потому нам надо постоянно помнить, что нет каких-то особенных чудищ под названием «старики». Надо помнить, что это мы идем в армию, и это мы возвращаемся из нее. И надо помнить о том, что офицер и прапорщик, даже посменно, не смогут круглосуточно стоять над каждым солдатом с кнутом, контролировать его. Да этого и не нужно — спросите у любого отслужившего. И потому не странно, что через полгода, может, чуть побольше, каждый «салага», каждый бывший «металлист», «люБер», «панк» или просто обычный парень вдруг проникаются каким-то не совсем поддающимся определению армейским духом, и все они начинают чувствовать себя коллективом товарищей, до такой степени товарищей, до какой они не ощущали этого товарищества даже среди лучших друзей на гражданке. Ведь это есть, никуда от этого не денешься! Вопреки ли «стариковству», благодаря ли ему — поди разберись.

В общем, проблема не так проста, как многим это кажется. И вряд ли тут помогут суровые запретительские меры. Тем более пока от них толку мало.

Проблема, на мой взгляд, заключается не столько в «дедовщине», конечно, еще бытующей в армии, но в основном мифологической, сколько в каком-то напористом и слишком очевидном стремлении опорочить, очернить нашу армию-защитницу как таковую, разрушить еще один институт общества, не ошибусь, если скажу — важнейший, досе-

ле несокрушимый, вывернуть могучий камень из фундамента, на котором стояла и стоит земля Русская. И потому неудивительно, что антиармейская кампания проводится не просто так, сама по себе, что она идет на гребне другой, более емкой и насыщенной нелепостями кампании, ставящей целью сокрушить основы бытия самого народа и движущей силой которой является уже почти неприкрытая нахрапистая русофобия. И методы и почерк схожи. С одной стороны, обрубить корни, лишить национального самосознания, понимания целостности и единства народа, с другой — посеять страх и недоверие к тому, что самим же народом на его историческом пути было создано и прошло испытание временем — дескать, настолько все плохо и худо, что, не медля, разрушить надо! Но при всем при том некоторые еженедельники помещают восторженные и пространные репортажи о чужих армиях, которые, надо полагать, должны быть образцом для подражания. И будто бы не понимают, что общественные институты имеют в каждой стране свои отличия, что не «по щучьему велению» они появляются или меняют форму существования. Безусловно, полезное надо принимать, но ведь не так, чтобы сначала разрушительство «до основания», а потом, дескать, все заново, все, как в лучших домах, все, как у них... Это сказочка про белого бычка, только с известным уже исходом.

Опыт у нас есть. На месте разрушенных храмов, несмотря на все «благие» замыслы, смогли воздвигнуть лишь общественные туалеты, стоянки автомобилей да рукотворные пруды для купаний. Ну, разрушим традиционную российскую армию, оправдывавшую свое существование при самых даже бездарных верховных главнокомандующих, а что взамен? Что воздвигнем на ее месте? Хиппарям, обкурившимся анашой, как, впрочем, и некоторым молодым журналистам, мечтающим о личных «международных связях», в самую пору рассуждать о пацифизме. У первых вообще все в розовом тумане (до определенного момента), вторым — тоже, чем тумана больше, тем лучше, тем «возможности шире». Но здравомыслящий, трезвый человек по части «пацифизма» имеет иное мнение.

Казалось бы, какая связь между кампанией «охоты за дедами» и посягновением на мощь нашей армии? Самая прямая, страшная связь. Все эти «неуставные отношения» среди молодежи характерны и для дворов, и для школ, и для ПТУ, как уже говорилось. Это болезнь общества, всей цивилизации — достаточно вспомнить, что в английских и американских колледжах, особенно закрытых, престижных, она принимает формы, которые нам пока и не снились. Так почему же панические вопли направлены лишь в сторону одной нашей армии? Причина видится достаточно простой. Сокрушить Нашу армию извне не под силу никому, это уже, наверное, поняли во всем мире. Остается нанести удар изнутри. Как? Ведь Вооруженные Силы могучи, сцементированы так, что любой удар... Вот тут-то и было нащупано единственное болевое место, «ахиллесова пята», этакая небольшая, но примечательная точка. В нее и была направлена вся мощь удара, всеми средствами! Подорвать доверие народа к армии! Более того, противопоставить общество и армию! Напугать, взбудоражить одних. И очернить, поставить в позу вечно оправдывающихся и не находящих оправдания — других. Тут расчет не просто на подрыв престижа, а на нечто большее, похоже, относящееся к принципу «разделяй и властвуй».

Было бы нелепо обвинять в подобном всех, высказавших за последнее время претензии к армии, и представлять их злоумышленными людьми. Но в том, что струна «дедовщины» была задета чьей-то недоброй рукой вполне целенаправленно, сомнений, на мой взгляд, быть не может. Другое дело, что резонансные колебания захватили и многих искренних, честных, но далеких от понимания вопроса людей.

В том, что в обществе имеются болевые точки, вина наша общая. Но и лечить болезнь — наше общее дело. Больше никто не поможет — нет таких международных и совместных предприятий по излечению социальных недугов. Но зачем же в больное место да каленым железом?! Да еще так, чтобы публики побольше, чтоб накликать международно-космополитического воронья погуще, дескать, глядите, как мы их! Нет, не врачи и целители это, а скорее растравители, от которых, кроме вреда, ничего!

Много у нас недостатков. И писать о них надо. И устранять их надо. Но не со всяким делом справиться дано бойкому писаке-прогрессисту, озирающемуся на Запад. А тут на тебе — удобный полуфабрикат для выпечки сенсационных, ужасных слухов — «изуверы-старики»! «Деды-людоеды»! И встают мифические монстры в воображении нашем, видятся злобные получеловеки, готовые на любое зверство, не признающие морали и нравственности, законов и уставов. И мы уже в негодовании праведном готовы не замечать остального, на многое прикрывать глаза. А нам подсовывают готовые рецепты. За нас уже, оказывается, подумали и все решили.

Но дело в том, что ни поляковы, ни тем более пастернаки и прочая юная поросль не подскажут нам верного направления по одной простой причине — они сами лишь флюгеры, подобно их чиновным наставникам-покровителям, занимающим редакторские кресла в иных еженедельных журналах и меняющим свою позицию в зависимости от ветра, дующего в кронах.

Ну, да хватит о «стращателях» и «разоблачителях». Не на них мир держится. Народ не понапрасну окрестил таковых баламутами — очень емко и точно. Ну а что касается армии нашей, так нет сомнений, что она, выстоявшая против батыев и мамаев, сдержавшая наполеоновские и гитлеровские натиски, выдержит и натиск баламутов-погромщиков.

1988—90

Не сотвори себе кумира!

Нет, не заманить всех в кумирню бога-чрева...

Ф. М. Достоевский

Если поначалу возникал простой и вполне законный вопрос: почему приверженность к культуре и традициям предков, уважение их обычаев, а следовательно, и самой истории, вызывают кое у кого явную и неприкрытую неприязнь, не задерживающуюся на оборонительных позициях, а сразу же переходящую в яростный натиск, то по мере роста этого натиска проясняется нечто интересное. А именно — по каким законам он осуществляется, «как и чем бьют» так называемых «молодых писателей», выступающих в защиту отечественной культуры.

Не пытаюсь выискивать чьего-то злого умысла, обвинять кого-то в неискренности и предвзятости — это занятие бесполезное и утомительное. Тем более что авторы сами подают себя словно на блюде в своих заметках, статьях, высказываниях. И совсем нетрудно заметить, кто есть кто, кто высказывает наболевшее, из сердца, а кто холодно и небрежно занимается словесной эквилибристикой, работает на публику, причем, как и обычно в таких случаях, не очень-то и уважая эту самую публику. К примеру, выступили С. Алексеев, Ю. Сергеев и А. Буйлов в «Книжном обозрении» от 2 октября 1987 года в

защиту «корней, без которых человек, как дерево, засыхает», — выступили убежденно, честно, может быть, горячо, не слишком придерживаясь трафаретно-бюрократического языка, к которому мы, к сожалению, привыкли. И что же, наверное, нашелся оппонент, который убедительно и аргументированно их опроверг? Нет, противники предпочли забраться повыше и сверху поучать. Так, Вл. Новиков в «Книжном обозрении» от 23 октября 1987 года заявил, «что у Ю. Сергеева все еще впереди, что со временем он подойдет к правильному пониманию». Л. Вульфович там же намекнул Ю. Сергееву, «который считает себя писателем», что «он очень быстро «засохнет», а Г. Бутовский, присовокупив А. Буйлова, добавил, что оба «люди злобные и несправедливые»! Зачем опровергать, спорить, отстаивать свою точку зрения, когда можно унизить и оскорбить! Не надо быть слишком въедливым, чтобы увидеть — подобным «оппонентам» свойственна одна черта: не пытаясь, а может быть, и не желая понять, о чем же говорят Сергеев и Буйлов, они цепко ухватываются за отдельные, вырванные из текста, порою непричесанные, слова и мысли, а уж вцепившись, переворачивают все наизнанку по собственному усмотрению. Прием известный. Но родится ли в таком споре истина? Навряд ли! Какая там истина, если перед тобой «враг», которого надо положить на лопатки, морально убить в читательском мнении, очернить, унизить — каких только эпитетов не подобрали к Буйлову и Сергееву на одной лишь страничке «КО». Незнакомый с их творчеством человек может бог весть что подумать про этих «ретивых», «считающих себя писателями», «злобных и несправедливых людях», которые грозятся поотнимать у наших несчастных детей любимых чебурашек и карлсонов. Обвинения сыплются, словно из мешка, по старому, проверенному принципу (иногда он срабатывает и подсознательно) — «клевещи, что-нибудь да останется».

Безусловно, читатель способен легко поддаваться аргументации и эмоциональному давлению автора публикации или участника дискуссии. Но это раз, второй, третий, а потом начинают отчетливо прослушиваться фальшивые нотки. А как же иначе, если с одной стороны слышится постоянная тревога: «Что-то происходит с нами, не все ладно в земле отчей, так ли мы ее бережем?» — а с другой: «А мы вам поддых! а мы ярлычок на вас! да дегтем, да смолою! вы все запрещаете, а мы молодым все разрешаем — они за нами пойдут! и еще раз поддых! и еще дегтем!» И тут же эта вторая сторона, набирая себе в «соратники» известных литераторов прошлого, хлеща направо и налево, к месту и не к месту их цитатами, утверждает, что именно она знает, «какую позицию» нужно занимать и что должно «сегодня служить образцом чести!» Ни больше, ни меньше! В роли учителя выступает А. Турков, это, видимо, он сегодня определяет, что есть «образец чести». Пересказывать его статью «В Гайд-парке», опубликованную в «Юности», наверное, не имеет смысла — читатель не даст соврать, статья невнятная, бессвязная: как-то все навалено в одну кучу и не видится что-то в этой куче жемчужины. Цитаты, выхваченные из дискуссии молодых авторов «В ответе за время», опубликованной в «Молодой гвардии», вяло комментируются в привычном «прогрессистском» духе. И снова, отодвигая литературу на второй план своей статьи, памятуя о том, кто является основной аудиторией «Юности» и разжигая ее, критик выталкивает вперед рок-музыку, «ужасные» цитаты В. Хатюшина, А. Доронина, А. Фоменко о роке и американизированной массовой культуре. Еще один привычный прием — вот они, эти злые дяди, эти «злобные и несправедливые люди», которые хотят, ребятки, отнять у вас не только чебурашек, но и, страшно сказать и подумать, нашу любимейшую, нашу божественную рок-музыку! Так и слышится во всем этом — ату их! не отдадим!!! все

горой встанем в едином порыве на защиту «метал-ла»! Тут же и привычная обойма «обижаемых»: В. Высоцкий, Б. Пастернак, А. Ахматова, которые вздымаются знаменем вверх — ими потрясают, ими путь указывают, их призывают в свидетели и со-ратники, пользуясь тем, что по известной причине они уже не могут отказаться от этой навязываемой им роли. И, разумеется, попутно достается, как всегда, поэту Ю. Кузнецову. Не забывает Турков помянуть его, посмевшего высказать свое, личное мнение об А. Ахматовой. Ю. Кузнецов, видимо, не может «сегодня служить образцом чести». Да и как же, ведь это же он еще двадцать лет назад, когда вовсю покоряли природу, не ожидая от нее милос-ти, ткнул пальцем в прогрессистов-покорителей-пе-реворотчиков. Помните «Атомную сказку», где «и улыбка познанья играла на счастливом лице ду-рака»?

Надо заметить, что в книгоиздательском деле, как верно подметили многие «молодые авторы», перестройка у нас какая-то половинчатая, этакая полуперестройка: печатают Пастернака, Ахматову, Набокова и Мандельштама (и слава богу, что пе-чатают, гласность так гласность), но где же тогда «История» Татищева и Костомарова, где философ-ские произведения Циолковского и Федорова, Фло-ренского и Карсавина?

Что говорить о «Влесовой книге», когда не из-даны «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева. И опять-таки, стоило Ю. Сергееву напомнить об этом, как тут же резкий окрик и обвинение в некомпетентности. Тот же Богомолов считает, что Сергееву и ему подобным вполне хва-тит отрывков из Афанасьева, вошедших в книгу «Древо жизни» («Современник», 1983). Вот так вот, сверху вниз, дескать, нам лучше знать, что вам нужно и в каком объеме. Менторский тон самоуве-ренного невежды — вот стержень всех высказыва-ний второй стороны.

Читатель, проникающий в историю своей стра-

ны, к огромному удивлению, открывает для себя неведомый мир, все для него вновь, все интерес-но — и он, воспитанный нашими журналистами-меж-дународниками и Сенкевичем из старых про-грамм — рождается заново, как те самые декабри-сты, которые с изумлением открывали для себя, что мать им родная не француженка-гувернантка, а та самая крестьянка, мимо которой они проходили, не замечая. Ничего в этом удивительного нет. Чело-век может иметь прекрасное «европейское» образо-вание, владеть языками и науками, но не знать, что рядом, что в нем. При этом можно быть и крити-ком, и кандидатом филологических наук, и членом различных комиссий, и известным писателем. С. Ба-руздин признался в «Литературной газете» (28 но-ября 1987 г., «7X7»), что для него, «старого моск-вича, было полным открытием все, что показано в шестисерийном фильме о Московском Кремле «Дер-жавы вечная любовь»!

Ведь что странно, порицающие Ю. Сергеева, А. Буйлова и других, как правило, мало знакомы с историей, потому им кажется, что все, выходя-щее за рамки их познаний, это уже раздувание на-циональных чувств, оголтелый шовинизм и вообще черт знает что. Тому способствует и множество публикаций, в частности, А. Назарова в «Советс-кой России» от 30 июля 1987 года, в которой ав-тор утверждает, что люди, защищающие памятни-ки старины, действуют так по указке западных спецслужб и НТС! Статейка явно доперестроечная, и как только такая вообще могла проникнуть в нашу печать? Чему же удивляться, если, начитав-шись подобного или близкого этому, взбудоражен-ная А. Турковым и А. Черкизовым читательница из Херсона требует не тратить бумаги на Ю. Сер-геева, на его романы, а побольше гнать «Ан-желик».

Вот она — «макулатурная» психология. Благо-даря откровенно ложной политике в формировании планов «макулатурной» литературы, политике, что

господствовала у нас долгие годы и лишь теперь неохотно, огрызаясь, цепляясь за каждый рубеж, отползает под напором веяний перестройки, благодаря ей миллионы читателей с неустоявшимся вкусом продолжают покорно пережевывать кашу из дрюонов, дюма, голонов и прочих бытописателей «шикарной» заграничной жизни.

Но вернемся к наиболее типичным приемам обличителей-прогрессистов. Вот еще один, присутствующий почти в каждой заметке, в каждой статье. Речь пойдет о расплодившихся нежитях, которые и впрямь порой забавны, милы, смешны, — о чебурашках, карлсонах и прочем народце неопределенного пола. Уцепившись за непочтительные слова Ю. Сергеева в отношении этих детских героев, критики и кандидаты филологических наук, а также все их единомышленники развивают тему до парадоксальности, дескать, вот Сергеев утверждает, что все беды русского народа от Чебурашки! А тот и не утверждал ничего подобного, он просто говорил, что Чебурашка, тунеядец и ничему хорошему он научить ребенка не сможет. Что же началось после этого обвинения в тунеядстве! Нежитям пелись восторженные гимны, их возносили как знамена, видно, в дополнение к знаменам, уже упомянутым выше, — короче, творилось нечто из ряда вон. Крепли грозные ряды защитников Карлсона, и, казалось, мир раскололся на два лагеря. Забыто было одно, главное, что даже сорок тысяч критиков-оппонентов не смогут разрушить тот образ, который создала сама писательница: хотим мы этого или нет. Карлсон — тунеядец, изрядный прохвост и мошенник. А то, что обаятельный, так это из другого ряда оценок — и прохвосты бывают очень обаятельными, не переставая быть прохвостами. Их любят дети? Дети любят сладкое, чем больше, тем лучше. Да и мы сами недалеко от них ушли. Кстати, у Рэмбо поклонников значительно больше, чем у Карлсона, — десятки миллионов, сотни. На Западе, конечно. Но мы же не возносим

Рэмбо на пьедестал, не боимся назвать его своим именем. А вот Карлсон — табу! Нам остается ликовать: их дети любят насильника и убийцу, а наши всего-навсего бездельника, вруна и обжору — мы опять впереди по части нравственности. А если говорить на более серьезном уровне, то нельзя не заметить очевидного. Наши школы — школы женского воспитания, школы учителей-женщин. Постоянно говорится повсюду о нехватке мужской руки в школах, мужского влияния, что дети из-за этого вырастают инфантильными, что мужчины становятся женообразными, теряя свою суть. Что могут дать мальчикам эти бесполые, пригодные для умиления и сюсюканий чебурашки?! Кто-то говорит — да, они добрые, они научат добру, человечности, научат заботиться о слабых... Может, и так, может, и нет: между сентиментальной слащавостью и человечностью лежит пропасть. Но что точно — мужского начала, образца для подражания нет ни в одном из этих героев. Ю. Бондарев, В. Белов и В. Распутин в упомянутом письме пишут, что «в иерархии детских и юношеских ценностей ныне, к сожалению, на одном из первых мест стоят развлечения и вещи». Это очень точно и мудро подмечено. И начинаются развлечения с карлсонов, чебурашек. «Любимых героев» уже не отнимешь у малышей. И не этого добиваются Буйлов и Сергеев.

Как-то так получилось, незаметно, исподволь оказались почти вытравлены из жизни герои русских сказок — живые, настоящие, пусть даже и называемые Иванушками-дурачками, — ведь ребенок сам разбирался, кто дурачок, а кто нет. И на безрыбье взошли обильным цветом чебурашки и прочие нежити. Появилась масса американизированных типов, что можно сказать и о героях увлекательных книг Волкова. Все было бы естественно, если бы наряду с этим было бы что-то свое, непереведенное, не заемное. Но нет — не осталось, а нового не создано. Вот и разгуливают хозяевами по нашей земле винни-пухи, чебурашки, карлсоны,

пеппи, эмми и пр. Ребенок с детства окружен иноязычным, неживым, ненастоящим — и естественно, все это забавное, смешное, интересное — все сделано, чтобы быть проглоченным и усвоенным. Так чему же удивляться, что своего молодежь не знает, а часто и знать не желает? Для нее родное, с молоком матери впитанное, это не наше, а нечто обезличенно-американизированное, цветастое и простовато-пустое, кичливое и самодовольное, будто с рекламного щитка: «купи меня»! О каком положительном герое в литературе для юношества мы можем говорить, если детям — будущему юношеству, подсовываем карлсонов. Ах, как не любим мы правду! Ну зачем, на самом деле, расстраиваться, когда вокруг такие умилительные чебурашки, ах, какие они славненькие и хорошенькие, ах, как они нравятся нашим деткам! Гони прочь злого дядю, который у милого дитяти собирается вытащить изо рта сладенькую жвачку, леденец отнять, ах, он злодей! Нам в детстве все запрещали, так пускай хоть наши чада вволю объедятся сладостями, пускай понежатся, посюсюкаются с чебурашечками! Такие вот аргументы, дети любят — значит, хорошо! А юноши любят рок в его психопатических проявлениях — тоже хорошо! Им так нравится! А кто-то любит водку или наркотики — опять хорошо? Ведь и им нравится, ведь не через силу?! Ряд можно продолжать. Но хватит пока — не все, что со смаком проглатывается, хорошо по своей сути, ох, далеко не все! Часто в яркий фантик завернута бывает подслащенная ядовитая конфетка. А яды иногда имеют замедленное действие. Так нам ли, догадывающимся, но порой закрывающим глаза на то, что в фантике, потакать сладкоежкам доверчивым? В более широком смысле высказались на эту тему Ю. Бондарев, В. Белов и В. Распутин, обобщив проблему, заглянув внутрь ее: «Заигрывание с молодежью, обращение к ее «особым» интересам, правам не новы. Но надо сказать, что это заигрывание, как правило, оборачивается против

молодежи». Разве не так? И разве заигрывание начинается не с детства?

Нежелание второй стороны понять, о чем же пекутся «молодые писатели», что тревожит их, просто поразительное, переходящее в абсурдистские перетолкования вполне конкретных и четко выраженных мыслей. Вот он, еще один прием — уцепиться за мысль, довести ее до абсурда, до полнейшей, а порой и ужасной нелепицы и подсунуть в таком виде читателю — дескать, вот что вам предлагают эти «злобные и несправедливые люди», это они, дескать, призывают начать травлю на «космополитов» и «низкопоклонников», наподобие той, что была в конце сороковых годов. Это они грозятся отобрать у вас рок-музыку и Арбат, затравить вас преследованиями, лишить всего самого лучшего на свете! И так далее, в таком же духе, причем одинаково, будто под копирку, будь ли это А. Турков в «Юности» или Н. Богомолов в «Книжном обозрении», бессчетные «ивановы» из «огоньков» или вездесущие мальгины, — бьют на публику, разжигают страсти, а по сути дела, уводят в сторону от решения проблемы.

И опять, и снова, до бесконечности, каждой строчкой — желание унизить, вплоть до поучений Н. Богомолова о том, как должен писатель говорить о своих произведениях, что есть тема и что есть суть, и как положено определять ценность и актуальность... До смешного доходит! И ведь все это и о А. Буйлове, и о Ю. Сергееве и его последнем романе «Становой хребет», который, кстати сказать, ни дня, ни полдня не лежал на прилавках магазинов! А интересно прикинуть, что бы было, если б Сергеев был столь же доверчив, как и аудитория Туркова с Богомоловым, если б он принялся выполнять их советы. И гадать нечего — вышло бы нечто невнятное и путаное, навроде статьи «В Гайд-парке». Но не слушает он советчиков-доброжелателей, к счастью. С выводами Туркова и Богомолова далеко не все согласятся. Последний

горько сожалеет, «что пошли молодые писатели именно... по обманному пути, который может завести только в тупик». Вот как, знакомая категоричность. Так что же это за «обманный путь»? Путь, по которому шли Достоевский и Гоголь, по которому идут наши старшие современники Ю. Бондарев и В. Астафьев, В. Белов и В. Распутин. Идут, не сбиваясь на проторенную дорожку дешевого успеха, сенсационности, не глохнут от заокеанских рукоплесканий и не слепнут от вояжных впечатлений, а сохраняют и зрение и слух во всей остроте, и души их не подвержены западному макияжу, чисты и праведны в своей и горькой и сладостной любви к Отечеству. Так это ли «обманный путь»?!

Разумеется, С. Алексеев, Ю. Сергеев, А. Буйлов и их единомышленники — тоже, кстати сказать, очень разные, непохожие — далеко не первые на этом сложном пути. Но они одни из первых, им тяжело, их еще долго будут освистывать и обличать, обвинять самым нелепым образом в «агрессивном невежестве» и «вульгарном ниспровергательстве» (Вл. Новиков, «Книжное обозрение», 23 октября 1987 года). Да, «молодые писатели» менее защищены, на них обрушивается вся тяжесть страшных, обсурдных обвинений, им с ходу лепятся на спины ярлыки. Что делать, слово правды и искренности всегда пробивалось с трудом. Но кто-то должен брать на свои плечи тяжкий груз и нести его вперед, пускай и под свист, улюлюканье. И жаль, если у заветной цели, у финиша, как это нередко случалось и продолжает случаться и ныне, первыми снова окажутся те, кто поначалу ставил подножки, рыл ямы и бросал камни в несущих груз.

Что же касается несчастного Чебурашки, которому неожиданно много места уделила наша пресса и которым лупят по головам писателей, не восторгающихся очередной нежитью, так само имя его вовсе не «привозное». Достаточно раскрыть словари В. Даля или М. Фасмера, чтобы убедиться в этом. Непонятно лишь — зачем создателю образа понадобилось импортировать Чебурашку в Россию в ящике из-под апельсинов? Ну да ладно, тут, видимо, та же укоренившаяся привычка смотреть на нашу землю со стороны, чужими глазами. Привычка психологического свойства — дескать, и ничего-то путного мы произвести не можем, а потому лучше героя-игрушку ввезти из-за моря — цениться выше будет. Оставим на совести творцов нежитей их взгляды на Родину. Но зачем навязывать таковые детям?

Ну и довольно об этом. Может сложиться впечатление, что «прорабы отречения» и их серо-желтое ополчение пытаются распространить свое влияние, а точнее, господство, лишь в области литературы, журналистики... Нет, их притязания значительно шире.

1988—90 г.

Послесловие из 2004 г. Мелкими кажутся заботы прежние после разгрома в Третьей Мировой и краха России. Но именно так всё и начиналось – с литературной критики, с непримиримого боя на журнальных и газетных полосах. За ними, врагами России, было все «мировое сообщество», все банкиры, концерны, ТНК, армии, государства, спецслужбы, все силы ада, в том числе и верховные подлецы-«перестройщики». За нами только Бог и Правда. От нас отвернулось даже население, купленное на «демократию» и «гласность», на обещание «колбасы» и пепсиколы... Так начинаются войны. Так мелкие вертлявые черви истачивают столпы Империи. Ни одна страна в мире не претерпела столько зла, от живущих в ней. Ни один внешний враг не мог осилить Россию. Её изгрызли изнутри паразиты-нелюди, которых она считала своими детьми, - жирные, отъевшиеся на её харчах, насосавшиеся её крови паразиты, называвшие себя «интеллигенцией».